

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 5 (907) МАРТ 1965

СМЕНА

СЕСТРЫ

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА
Текст
Бориса ВОЛОДИНА

На счету каждая секунда. Операционная сестра точно знает, какой инструмент понадобится хирургу в любой из моментов работы, и, не дожидаясь командой, на лету заменяет в руке профессора В. В. Виноградова один инструмент другим.

Наше здоровье охраняют огромная армия медиков. И самая большая часть этой армии — полтора миллиона людей — сестры.

Маститый профессор-хирург, делаящий на операциях чудеса, и юный терапевт, начинающий первый в своей жизни самостоятельный прием в поликлинике, — любой из пятисот тысяч врачей — в равной степени знают, что без медицинских сестер он «без рук» в полном смысле этого слова.

Ведь это они, сестры, пойдут в назначенное время и постелят пациента, чтобы ввести ему пенициллин или нафурол, поправят повязку, еще раз пересчитают пульс, взять для исследования каплю крови. Это они доставят его в больницу на санитарной автомашине, они приготовят стерильные салфетки и инструменты для

операции, а после нее, не зная сна, будут выхаживать больного, пока он не встанет на ноги. Спасение человека — это астафета трудных дел. Труд каждого медика четко специализирован. Строго очерены обязанности и у каждой медицинской сестры.

На этих фотографиях — лишь малая часть работы медицинских сестер одной из тысяч больниц, одной из многих служб здравоохранения — хирургической службы.

«Святая святых» хирургин — операционный блок.

Говоря по совести, молодые врачи побаиваются строгих хозяев операционных. Они, хозяйки, наделены огромной властью: ведь операционные сестры в полной мере разделяют с хирургами ответственность за

исход операции перед собственной совестью и законом.

Они бдительно охраняют знаменитую хирургическую чистоту. И когда «новообразователь» нарушает царствующие здесь законы, в их голосах появляются категорические ноты.

— Доктор, уберите волосы под колпак!..

— Доктор, прежде чем войти в операционную, нужно надеть бахилы!..

— Доктор, вам оперировать нельзя, у вас на пальце царапина, вы можете занести в рану инфекцию!..

— Профессор, у вас пронозные перчатки... Смените перчатки!..

Никто не перечит хозяйкам операционных. Надвигается на самый лоб белый колпак. Выходит прочь незадачливый нарушитель и натягивает на ботинки по-

лотные чулки — «бахилы». Заменяется в операционной бригаде хирург, без осторожности открывавший накануне консервную банку. Профессор останавливает работу, прикрывает рану салфеткой и меняет проху-давшуюся перчатку.

— Руки операционной сестры в непрерывном движении: инструмент подан, инструмент возвращен на столлик, уложен на строго определенное место. Глаза сестры ведут непрерывный счет: «Было приготовлено двадцать замочков. Подано двенадцать. На столлик — восемь. Все в порядке!..»

Если число инструментов и салфеток при счете не сойдется, сестра не разрешит хирургу зашить рану. Тамов устан слезы!

За годы работы операционные сестры настолько осваивают дело, что в трудные часы ночных дежурств, ког-

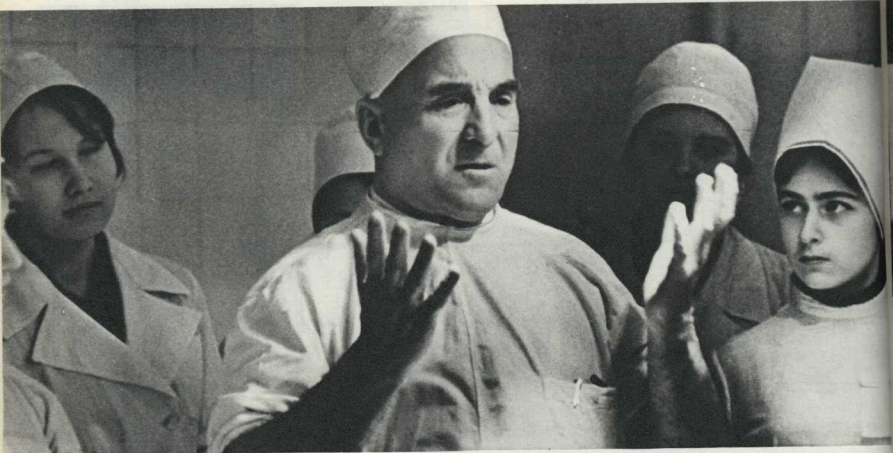
да приходится одновременно вести операции на нескольких операционных столах и врачей не хватает, опытная сестра может заменить хирурга-ассистента.

Операционные сестры знают ход самых сложных операций в деталях.

Вот она — высший класс работы! Не домигался командир, операционная сестра на лету заменяет в руке профессора В. В. Виноградова один инструмент другим.

Наонек операция закончена. Перестали посыпывать мехи аппарата, магнетизация в легие пациента исклорда с парам наркотического вещества. Пациент открыл глаза и на вопрос «как вы себя чувствуете?» уже ответил еле слышно!

— Ничего... жить можно... Сестра-анестезиолог извлекла из его руин ягду, связку которую во время операции капля за каплей

А это будущие сестры. Девушки еще учатся, осваивают азы медицины. О чем говорит с ними преподаватель, опытный хирург? Может быть, о том, каким большим должно быть сердце у человека, которого сотни людей называют добрым словом — «сестра»...

Операция окончена. Сестра-анестезиолог извлекает из руки пациента иголку, сквозь которую капля за каплей вливалась в его тело спасительная кровь и противошоковая жидкость.

На утреннем обходе.

вливалась в тело спасительная донорская кровь.

Теперь пациент передан по этажу другим сестрам — палатным.

Истинную цену их великого искусства узода знают...

нет, не просто знают, а ощущают в самом точном значении этого глагола подопечные больные. Умному, а пациентам доподлинно известно, что Надежда, Клава или Нелюча там здорово умеют перестелить под недвижными больным простыню, так здорово умеют переключить только что проперированного с операционного стола на «натальку», с «натальки» на кровать, что не будет при этом ни одного даме самого легкого толчка, ни малейшего сотрясения, которое отдалось бы острой болью в смежной еще ране...

Они бережно улопат и укроют его, согретую грелками. Они будут — если это необходимо — находиться с больным неотступно. И глоток кислорода, когда вдруг не хватит воздуха, и пенарство, и первую ложку супа — все это он получит из заботливых, добрых рук сестер.

И первый шаг помогут ему сделать эти же руки — руки сестер.

Что нужно для этой работы?

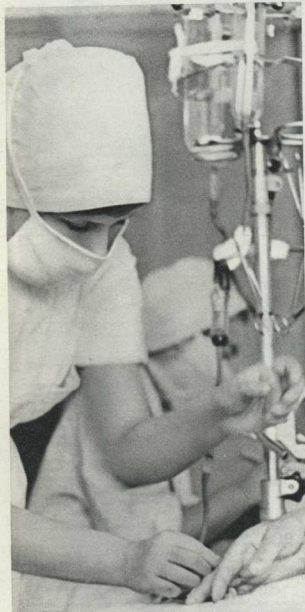
Конечно, знания. Нужно знать, как устроено человеческое тело, как функционируют органы, какие разрушения производят болезни, как с ними бороться.

В «анатомических музеях», в лабораториях и учебных комнатах, увешанных таблицами, проходит будущие сестры азы медицинской науки.

Нужны профессиональные навыки — сотни доведенных до автоматизма привычек: не трогать нестерильными руками стерильное, не прикасаться стерильными руками и нестерильному. Нужно умение оказывать помощь, не причиняя боли... Всего не перечислить.

И, конечно же, нужно доброе сердце!

Эти, наверное, выпало из нашего обихода замечательное, исконно русское название профессии медицинской сестры — «сестра милосердия». А ведь именно так на

протяжении многих десятилетий народ называл предшественниц этих женщин, работающих сегодня в наших больницах, поликлиниках и амбулаториях, верных помощниц врачей, помогающих сотням тысяч людей подняться на ноги, вернуться к жизни, к работе.

М И Л О С Е Р Д И Е — сербодобле, сочувствие, любовь к делу, готовность делать добро всякому», так расшифровывал это слово Владимир Даль, великий знаток нашего родного языка. Одной из первых в России сто с лишним лет назад этот действительно высокий титул «сестры милосердия» получила дочь отставного военного матроса, знаменитая Даша Севастопольская. Не было ни царских указов, ни генеральских приказов, которыми бы это звание ей присваивалось. Девушка стала сестрой милосердия так.

Она пригласила батальону с чистот водой, наготовила полную сумку самодельных колючих бинтов, наполнила корпию — так назывался заменитель ваты превращенный материал из ветоши — и отправилась на позиции, под огонь, перевязывать раны, останавливать кровь, поить, укрывать в относительно безопасных местах, вытаскивать с передовой и посылать лазарету раненых защитников Севастополя, которые были для нее б р а т ь я м и.

И все это — без малейшего намека на мысль о славе, о том, что ее имя потом сойдется с именем родного города, о медали, которой ее в конце концов все-таки наградили за храбрость, хотя в прошлом веке военные награды женщинам не полагались.

Может быть, строгие историки не без основания скажут, что у титула «сестры милосердия» происхождение более древнее. Не будем спорить с ними. Но это звание — вот что нам важно — носили тысячи русских женщин, на зову сердца решавшихся в пору войн и эпидемий отдать лучшие годы своей жизни помощи раненым и больным людям, переноси без ропота невзгоды, лишения и смертельные опасности.

И разве не примечательно, что множество женщин — сестер и фельдшер — пришло впервые в русскую медицину именно в 60-е и 70-е годы прошлого века, в слабую эпоху, овеянную ветрами первых революционных выступлений. Лучшие представители молодой интеллигенции стремились тогда помочь народу делом. Царский министр закрыл двери Медицино-хирургической академии перед Надеждой Сусловой — будущей первой русской женщиной-врачом и перед ее последователями.

Но не и дипломант, не и возможности «богатой практики» стремились замечательные девушки тех лет. Свидетельство о прослушанном не полностью курсе лекций в Университете дало право сдать «полуприцарские» экзамены и начать работу вольской фельдшершей Вере Фигнер — в будущем члену Исполнительного комитета «Народной воли», вместе с Желябовым, Перовской и Игильвичем

подготовившей покушение на Александра II.

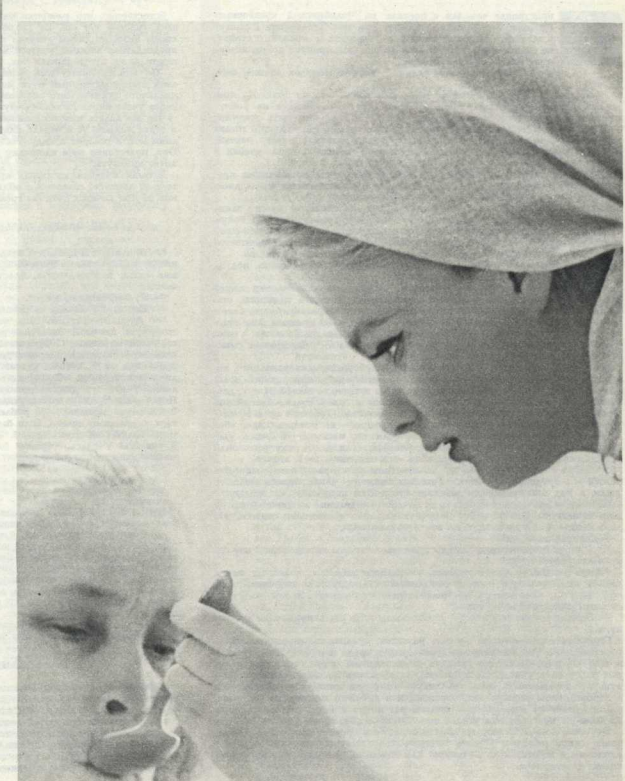
Истинное милосердие равнодушно их сестринской работой и их самоотверженной борьбой за освобождение народа.

Те замечательные традиции продолжили «красные сестры милосердия» гражданской войны. Продолжили девушки, в годы последней войны надевшие шинели с зелеными солдатыскими погонами... Совсем недавно миллионам людей стали известны открытия писателя С. С. Смирновым материалы о подвигах «Катюши» — бывшей главстаршины военно-восточной медицинской службы, а ныне врача Екаторины Илларионовны Михайловой. И, наверное, у многих читавших рассказы о ней возникла мысль, что точно такой же подвигиной была жизнь тысяч девушек-фельдшеров и сестер и что, может быть, в военных потрясениях не дошло по назначению много других делецков из удивительных де-

лах, и они потому не отмечены еще в летописях народной славы.

— Почему, молчал этот фоторассказ об обычной работе сестер одной из многих больниц, мы вспомнили об истории, о замечательных русских женщинах, совершавших подвиги? Ведь за страницами этой больницы сегодня течет мирная жизнь и сегодняшним сестрам не приходится испытывать лишения, опасностей и трудностей, выходящих за пределы этой больницы, Даша Севастопольской, Фелдшерц — революционером, «красных сестер милосердия» и девушек-санитаристок Отечественной войны. Но сегодняшний день немалым без вчерашнего и позавчерашнего. У каждой профессии есть история, в которой оттаивалось профессиональное искусство и формировались традиции. И сегодняшнему труду сестер, что он всегда требует полной отдачи сил — физических и духовных, высокого мастерства и подлинного милосердия.

Первая ложка супа.

Э. ЧЕРЕПАХОВА,

специальный корреспондент «Смены»

Я приехала в завод и поехала на Челябинский тракторный. Пропуск был выписан, паспорт при мне. Охранница в платке и шинели шаркала винтовкой, всматривая за мной, о стенку; не поменялась в будке. Читала она мой пропуск долго, истово и под конец сказала сердито:

— На карточке одна прическа, nämlich — другая. Порядок должен быть айт вей!

И вошла на завод. К нужному цеху шла долго, может, полчаса, мимо других, других... Заводщице! Машина. Когда утром люди идут на работу 35 летней колесной, как на демонстрации, вот должно быть зрелище!

30 лет назад здесь же, на восточном окраине города, где будущий гигант издавал еще в пеналки стальных плацдармов, возникла первая партийная организация из 3 коммунистов да первая комсомольская ячейка из 27 человек...

Как переиграло наше время событиями! Оно уязвимо тяжелыми кристаллами лет, спрессованных в месяцы, месяцев, спрессованных в дни, дней, утрамбованных в часы. Высочайшая плотность жизни!

А какую же Великую Отечественную войну челябинский гигант занял первое место в мире по производству гусеничных тракторов. До войны трактор в 65 лошадиных сил был чудом нашей победы. А сейчас 250-сильный джорджес с двенадцатилитровым двигателем, с бесступенчатой электромеханической трансмиссией стал привычным в нашем хозяйстве.

Может возникнуть вопрос: почему делается столь «издадский» подход к теме, вынесенной в заголовок статьи?

Да потому, что именно с тех первых, далеких лет становления нашей промышленности, нашей экономики выработалось, вошло в традицию, стало необходимым требование «учиться технике», «овладевать». Девиз советского специалиста — это умение быть напором того же времени. Мы отделили от иностранных спецназ, приглашенным из-за кордона, наше место, а сами пинали так вприглядку. Специалист как бы из золота в самом прямом смысле этого слова — из золотом платяной...

А сейчас на том же ЧТЗ у какого-нибудь зуборозного, сверляльного, токарного станка нам пресса вы запросто встретите дипломированного молодого человека как дедушку — и это считается в порядке вещей. И тут действительно нет ничего особенного. Ведь у нас в одной только Российской Федерации около двух тысяч техникумов, несколько десятков их в Южно-Уральском совхозе: учись — не хочу. Хочешь — на вечернее иди, «без отрыва», хочешь заочно, — пожалуйста, едем ты, конечно, не усла уже выучиться на дневном. Да и как не учиться, если даже неку приписано технический титул, только и слышны: «век техника», «век атом».

5 ноября 1964 года вышла на Челябинском тракторном номером моторной «за трудовую доблесть». Там был снимок — улыбающиеся молодые люди, и под ним маленькая заметка: «Хорошим подбором к празднику была зарита дипломированных работников на вечернем отделении машиностроительного техникума. Все 60 работ получали хорошие и отличные оценки. На днях новым техникам-механикам вручены дипломы».

Торжественный день!
Но... зачем этим молодым людям дипломы — плоды четырех-пяти лет напряженной работы?

Гармоничное развитие! То есть развитие, предполагающее прекрасную соразмерность всех жизненных проявлений в труде и отдыхе. Где же оно, в чем! Откинув бесплодно громкие слова, скажем о том, что люди, которые работают и учатся одновременно, ведут жизнь не только дисциплинированно, но во многом могут урвать. Нагрузка неизбежно складывается в адекватном режиме дня, отражается в какой-то степени на здоровье, лишает человека возможности адекватно развить в театр или на концерт, на лыжную прогулку или тапши, прогулок это-либо, кроме учебников.

Пережить всевозможные трудности и получить среднетехническое образование ценой немалых усилий, вечерник или заочник получает вместо с дипломом и работу: куда ж теперь! Как известно, распределяют на работу только «двоячков».

Естественно, что вечерник или заочник, получивший диплом, рассчитывает «расти» тут же, на родной почве. Тем более, что именно здесь, в своем цехе, на своем участке слышал он страстные призывы комсорга и председателя звонка учиться во что бы то ни стало. Бывало, что в стенгазете даже прохаживал тех, кто «тра теряет золотые годы».

Но вот благополучный финал. И что же! Станок, у которого начал свой производственный путь молодой рабочий, зачастую не требует специального технического образования. Школьная подготовка, несколько месяцев учебы в техникуме — и дело пойдет.

Что же делать новобращенному технику, конструктору, технологу? Идти в отряд кадров! А в отделе кадров говорят, что вакансий по этим профессиям нет, и говорят правду. Ребята отгораются, и совершенно справедливо. Они, подготовив себе плацдарм для прыжка в новое качество, непременно хотят прыгнуть.

И была в одном из самых крупных цеховых объединений ЧТЗ — тракторном корпусе, говоривая с обладателями дипломов, работающими у станков. И мне хочется хотя бы трем из них дать слово на страницах журнала.

1. «И ЗАЧЕМ ТОЛЬКО МАМА ПИРОГИ ПЕКАЛА!»

ГАЛЯ АМИТРИЧЕНКО. Смуглая, худенькая, смолые волосы задевают плечи; выразительные руки беспрерывно в движении, помогают словам. Темные глаза, возбужденные, блестящие, передают все богатство Галкиных эмоций.

— Как кто? Гадать, я кто!
— Как кто? Ученица на революционном участке.

— Дуря я — вот кто! Получать только, окончила машиностроительный техникум. Дневной. Защитила дипломную «Разработка ходовой части гусеничной машины». С отличием. Диплом вручили: техник-механик по специальности. Здорово, да! Мать на радостях пироги испекла. Распределяли на ЧТЗ. Также удача! Такой завод — мечта! В отделе кадров мой диплом повертели: «Спасем хочешь! Рихтовать там, нарезать, полировать... У нас тут дипломированных — что твои академики». Сказала: «Да». Поработала чуток, и так случилось, что на одном участке ученица ушла. Взял меня. Зарплата — 70 рублей. И уральские платят 15 процентов. В отделе, больше не заработала бы. Но для меня вопрос не только в деньгах. Я училась! Училась. Хорошо! Везде. А к чему это все! И зачем только мама пироги пекала, поздравляла!

2. «НЕУЖЕЛИ РАЗВОД!»

НИНА ПОДКОСОВА. У Нины вид студентки: крупные очки на маленьком носике, строге бледное лицо.

— Я заочно Индустриальный тульский техникум окончила. С ЧТЗ мы старые знакомые: я уж тут седьмой год. На каких только станках не работала! Кто-чему получалась — богатая практика. Думала, пора и теоретических знаний подбавляется. Перспектива повисеть. Жизнь раздвигается. Все ведь так говорит и в газетке пишут... Ну, защитила диплом. И никто этого даже не заметил. Знаете, даже разряд не повысили: как бы первый, так и остался. Как же так! Я просто не могу усложниться. Работать стационарщик, конечно, не зазорно. Но ведь я получила другую специальность — технолога. Я хочу реализовать свои знания, свои права... Придется уйти отсюда, наверно. А ведь как хотелось стать кадровой работницей!

3. «УВОЛЬНЯЕМ СО СЛЕЗАМИ»...

Нина Комарова говорила не сама. Она уже ушла с ЧТЗ в поисках работы по специальности. За нее говорила секретарь комитета комсомола тракторного корпуса ТОАЯ АЛЕКСАНДРОВА:

— Ушла Нина на другой завод. И даже не останавливая. Как останавливать! Дипломированный специалист, а чем зовут: толково с деталями толкают. Это порядок! Девочка на все сто! Отпускала со слезами. Да не одна она, много у нас таких было и сейчас есть.

Что же происходит и, главное, что будет происходить с дипломирован-

САМОТ ...ПЕРЖЕ!

«Пионерка»... Вот уже сорок лет юные читатели страны называют эту пионерку своим любимым постоянным пионерским газетом — «Пионерскую правду». Вот уже сорок лет, как почтальоны страны разносят по почтовым ящикам этот пионерский вестник.

Сорок лет. Это немалый срок. Если полстать пухлые тома подшивки и вернуться в давние времена, мы встретим тусклый листок, начертанный на плохой бумаге. Да, листок тусклый, но не судите с первого взгляда. Возьмите на себя труд прочитать выцветшие строки газеты. И вы забудете про плохую бумагу и неясный шрифт. Этот листок осветится светом ребячьих душ, биением юных сердец. Сорок лет назад тираж газеты составлял около десятка тысяч экземпляров. А сегодня каждой номер газеты печатает огромная машина — целая фабрика. Она не жалеет красок. И нынешняя «Пионерка» уже не похожа на тусклый листок. Кажется, радужно подблескивает с детских газет своих веселыми красками. Тираж «Пионерки» сегодня больше семи миллионов. Вот так газета выросла за сорок лет. Выросла она потому, что выросла армия ее читателей, выросла армия тех, кто носит на груди красный галстук. Кто носит, мы не постареем!

Когда перелистываете коммюне газету за сорок лет, то перед глазами проходит вся история страны. История страны и история участия символь в делах отцов. Газета сообщала о победе Павлака Морозова, рассказывала о горьком днешинии в защиту американского пионера Гарри Азизана, подает сигналам всевозможную патристическую движение пионерских командан. Она рассказывает о подвигах пио-

неров в годы войны и мира. И перед нами возникает обобщенный портрет нашего младеииско современника, юного ленинца, с его большими идеалами.

Да, газета навекала по объему, потому что все детскоеименные «персолоко». Но она делается с большой любовью, и много замечательных писателей отдавали и отдадут свой добрый талант «Пионерке». Мухомовский и Горький, Гайдар и Маршак, Ильин и Бианки разговаривали с ребятами со страниц газеты. А сегодня нет ни да и свернуть в свежем номере фамилии Чуковский, Михалков, Кассиль, Барто, Носова, Соткина, Алексина, Бардушина, Дика... Да разве перечислишь все главных актин газетей! Но на страницах «Пионерки» выступают не только писатели. Ученые и общественные деятели, герои труда и космонавты, спортсмены, артисты, художники — друзья «Пионерки».

Работает огромная машина. Ложатся папкищие типографской краской газеты. Сотни, тысячи, миллионы экземпляров. Сейчас их повозит поездка и поест на своих крыльях самолеты. И целая армия юных читателей встретит газету как старого доброго знакомого. Здравствуй, «Пионерка»!

«Пионерка» сорок лет! Мы поздравляем ее с Днем рождения и шлем ей свои добрые пожелания. Пусть она не выхид из пионерского возраста даже в сто лет! Пусть она всегда будет веселым и интересным собеседником советской детины. И пусть она выхидит почаще! Да, да, советские дети хотят встречаться с «Пионеркой» каждой день.

Салют «Пионерка»!

Юрий ЯКОВЛЕВ

нами специалистами дальше! Через три-четыре года переработанные ими знания начнут выветриваться, их заметит уйдет многое из того, что давал лекции, семинары, учебники... И потом этот захватный круг: приходишь, догонишь, в те же боты, начальник первым делом спрашивает: есть ли опыт работы по специальности. Опыт нет. Сдается отказ: «Вы давно окончили, а ни дня не работали». А вакансий-то, бывает, годны нет, значит, и опыта набираться негде. В предвидении этой ситуации новопришедшие дипломники ищут работу в отделе кадров, но там им опыта и опыта советуют предоставлять. Прощается буквально растрата образования. Растрата самого ценного, чем мы располагаем — человеческих ресурсов. Есть ли это результат чьей-то местной недобросовестности, бюрократизма или черствости? Возможно, в каких-то отдельных случаях — да.

Возможно, следовало бы заняться вопросом: отчето на Челябинском тракторном оказывают музскому полку значительное, почти безусловное преимущество перед жителями, отчето «железский диплом», по мнению некоторых руководителей, стоит дешевле «музского»? Но это тема отдельного разговора, и не она решает проблему, волнующую молодых специалистов.

Передо мной всегда любознательны цифры. Оказывается, на заводе 4130 инженерно-технический работник. Из них — 2937 человек не имеют диплома, а занимают итервенные должности как практиков, отдавшие за собственным хребтом. Можно ли это скинуть со счета, не учесть и того, что люди эти в конце концов не так уж далеки от пенсионного возраста? Неаля: ведь это люди, а не статистические единицы...

Как же быть? И где корни проблемы, остро стоящей отнюдь не только перед ЧТЗ?

Я отправился в Государственную плановую комиссию РСФСР, в отделе вузов и научных учреждений. Длительная беседа с заместителем начальника отдела В. М. Ивановым.

Викентий Михайлович внимательнее, хорошо информирован, рассказывает массой письменных и устных доказательств того, что система подготовки персонала из учебных заведений предельно точна и гибка; придумать что-либо более совершенное немалосложно.

Я не специалист и далека от мысли составлять какие-либо проекты по ведомству отдела вузов. Но вот что хочется отметить: Викентий Михайлович был на ЧТЗ почти в одно время со мной. Ему, как представителю Госплана, предстояло выяснить, как использовать молодых специалистов на заводе. И странно: ни о Демитриченко, ни о Подкоросов, ни о других он ничего не слышал. Та информация, что была им собрана, не внушает беспокойства, она безбидна, корни ее уходят в чисто локальные, особые обстоятельства.

Я спрашиваю Викентия Михайловича, какой смысл рабочему учиться вечером или заочно, если знания затем замораживаются. Он поясняет разное.

— Ну, пусть учатся, подумайте... Вечернее и заочное образование влечет в 25 деведре дневного. Расходы в конце концов в масштабах федерации неважны.

Вот как! Но, во-первых, надо беречь каждую государственную копейку, а во-вторых, не все möglich и нужно неерить. А расхода человеческого силт сдвд ведь принимает же Госплан в расчет моральный износ машин! Конечно, моральный износ человека — это нечто другое, но и его нельзя не учитывать Госплану.

Развитие промышленности идет сейчас таким образом, что потребность в специалистах не только не уменьшается, но, напротив, увеличивается. Челябинск — заводская ремень, входит в состав Уральского совнархоза. И вот этот самый совнархоз присылает в Госплан РСФСР заявку: мол, нам в 1965 году понадобятся 3335 человек с высшим образованием и 3168 человек со средним. Госплан же торгуете: даем 1200 человек с высшим, 2500 со средним техническим. Разумеется, речь о дипломах. Ни вечерников, ни заочников не включают и не учитывают. В тех случаях, когда Госплан не меняются. И получается неловкая вещь: в связи с растущими потребностями производства Госплан планирует, рассчитывает прием в вузы и техникумы все новых и новых людей, а выпускники, получившие образование «без отрыва», стареют как специалисты, замораживаясь всевозможные в них знания и средства.

Если бы некоторых таких специалистов с ЧТЗ направить, допустим, в Камышко... — мечтает товарищ Иванов.

Но никто не имеет права направлять куда-либо специалиста — вечерника или заочника. Столкнувшись с этим противоречием, Госплан может только к нашим сетованиям прибавить свои. А ведь не в этом забота Госплана... Отдел вузов как будто правильно и четко составляет необходимые данные, учитывает промышленность, возможные ежегодные убытки спонсов и потребности в специалистах для вновь возникших отраслей и т. д.

Он изучает факты, присланные с мест, складывает, мнотит и вычитает цифры, стремится к истине. Чего же, кажется, еще! И тут мне приходит мысль: а почему один из самых фагастических историй, рассказанных Карлом Чапеком — история о том, как два робота, две машины полюбили друг друга и «очеловечились», опровергну немалосложно точные расчеты создателей. В этой истории выражено вечное, нетленное желание человека не дать прогрессу, «чистой» науке, цифре права над собой. Помните, как у Вознесенского в новой поэме:

Свертны техники и деревья,
преходящие мимо нас,
Лишь одно на земле постоянно,
словно свет звезды, что ушла...
— провозглашающее мнение,
называют его душа.

Может быть, в Госплане посмеются над таким выводом, но все-таки выход и вижу в том, чтобы считаться с вышеупомянутым «свидетель». Тогда немалосложно в силу которого уже много лет, допустим, в Челябинские дипломированные специалисты толкаются с детинками, а в Эвисте — острый голод на специалистах того же уклона, перестает быть для Госплана явдой, которую якобы разгадают по числам невозможно.

Люди — в этом все дело, — люди стоят за цифрами. Стоит только взглянуть. Пока же хочется, как та охранница у ворот ЧТЗ, спросить:
— Порядок должен быть, а? Нет!

Тяже зрительную

РАССКАЗ

Из техникума, из зеленоватых коридоров, она вышла на улицу, в март, в снежный скрип под ногами, в легкой познанивании трамваев, в густую толпу под белесым, облачным небом, еще не расставшимся с зимой. Она шла в гурьбе подруг, в гурьбе ребят, шла, слушая и не слушая их, уже чужая им, их заботам, глупостям, дружбам, подножкам, снежкам, шла легкая, с отрешенно поднятой головой, принадлежащая теперь только квадратным часам над почтамтом и строгим, даже на взгляд тяжелым дверям: еще не видного отсюда дома. Подруга оклинула ее и по-звала на каток скользким движением ноги вперед-вбок. Но она отчужденно и невнимательно мотнула головой.

За перекрестком начался длинный, на полквартала, магазин. Она протиснулась внутрь и прошла магазином в самый его конец, в рыбный отдел. Оттуда сквозь толстое витринное стекло хорошо было видно Большое новое здание напротив: светлая плоскость фасада, слегка изогнутый козырек над входом и строгие учрежденческие двери.

Она поставила на пол, прислонив к ноге, папку с учебниками и стала ждать. Остро пахло селедкой, еще чем-то, и этот горький запах, как обычно, волновал и будоражил общением близости радости.

Ударил час на почтамте. Звук был сухой, казенный. Она вся напряжилась и отступила назад, за что-то локти и авоськи. Ее сильно толкнули в спину, но она даже не обернулась — все смотрела, как тяжело ходят взад-вперед строгие двери в здании напротив. Наконец, она его увидела — русоволосая голова без шапки, черная куртка нарзашку и красный шарф, не повязанный, а просто переброшенный через шею. Тогда она затормозила на улице.

Как она и думала, он вышел не один, а с маленьким толстым парнем

Нина БЯЛОСИНСКАЯ

Сказка

Наш кулик расхвастался чего-то. Расхвалил кулик свое болото. Говорит:

— Поисвета обойдешь —
лучше нашего болота не найдешь.
Где еще так топко и так вязко,
так искусно выстелена раска!
Где так ярко светятся гинлушки
и так сладко квакают лягушки!

А лягушки выключили глазки,
все на свете продают огласке.
Все на свете продают огласке.
То ли это сплетни,
то ли сказки!

— Говорит, мек нам,
повседневно,

не лягушка скачет, а царевна.
— Вон она сидит на мокрой кочке,
на мямстом жиклстом листочке.
— Погляди-ка! Как на нас позома!
Точно та же лягушачья кожа!
Лапки, глазки...
Ну как есть такая ж!

— Ничего ты в ней не понимаешь.
Погоди, однажды темной ночью
пролетит стрела над этой кочкой.
А потом
Иван-царевич явится.
Он поверит,
что она красавица,
что навеки поселится стонт

в тереме, какой она построит,
и что в целом мире нет вкуснее
пирюга, сострапанного ею.
Улыбнется, скажет:

— Веселись,
свет мой, дорогая Василиса.
Вот тогда царевна сбросит кожу,
на лягушку станет не похожа.
Пойдет плясать —
от ее взора
разольются вокруг
светлые озера,
топнет ножкой раз —
и с ней рядом
зацветет земля
свежик садам.
Поведет рукавом,
рукою правую,
серы гуси, белы лебеди
заплавают;
поведет рукавом,
рукою левую —
заворуют сный голубь
с голубчик белою.
С ней Ивану поживать —
не жардовать,
а добра навязать —
не понадобится.

Так лягушка квакала намедни.
А другая перебила:
— Бредни!

Что там напридумывали люди!
Не было такого и не будет.
Ведь давным-давно известно
свету,

что Иван-царевича-то ниту.
Ну, а если выискался это-то,
для чего стрелять ему в Болото,
для чего топтаться между ючек!
Мало, что ли, маленькими дочек!
Терем городишь, нагородила!
У него отдельная квартира.
И торгов ему не надо, кроме
тех, что продаются в гастрономе.
Ни озер,

ни лебедей,
ни сада —
никаких премудростей не надо.
Для чего и кружить, мюм
подружик,
голову молоденькой лягушке!
Как она задумалась, бедняжина!
Ей от этих дул, мюветса тамжо.
Почему она молчит насамни!
Никогда не поболбает с нами.
Не играет с нами в чет и нечет,
лягушачью икру не мечет...
Ишь она!
В лягушки не годится,
а в царевны вздулама рядиться!..

Мне б тогда уйти своей дорогой.
Кулику сказать:
меня не трогай!

в высокой шапке пирожком. У перекрестка она почти догнала их и пошла следом, шагая в пятнадцатидесяти, приоткрыв рот и вытаскивая шею, чтобы лучше видеть, как движутся, чуть покачиваясь, широкие плечи и весенне мажорские среди мохнатых ушек непорочно русая голова.

Как она и думала, они зашли в кафе на углу. Там было много народу, и ей пришлось целый час ждать в «Культурархе» напротив. Наконец они вышли и, как она и думала, двинулись к остановке, где толстый сел в автобус.

А она снова напряженно следила в толпе за распахнутой курткой. И счастьем, слабостью оттаивало в груди и коленях каждое движение его плеч и даже толчок брошенной им папиросы.

— Как она и думала, он свернул в узкий, уже сумеречный переулок и зашел в подъезд старого трехэтажного дома. А она заблуждала в тесный, забытый сараиный двор и подождала еще немного, пока не вспыхнула на третьем этаже большое незажженное окно. Тогда она повстала линосею и вздохнула глубоко и облегченно, как вздыхает человек, кончивший тяжелую, сложную работу. Она прислонилась спиной к дощатой стенке серая и стала думать, что вот сегодня поведетник, и значит, еще вторник, среда и четверг, а в пятницу можно будет случайно встретиться с ним на улице и поздороваться. А он спросит, как отмети в техникуме, и передаст привет Лидии.

Дома в комнате горел свет — Лидия читала. Гала бросила на стол папку с учебниками, повесила пальто. Лидия, не поднимая головы, спросила: — Ну?

— Она кончала педагогический, училась хорошо, и уже с третьего курса говорила вот так — коротко и веско.

— Ходила и Зойке, — сказала Гала.

— К той самой Зойке, у которой ты была вчера?

Гала почувствовала подвоха.

— Вчера я у нее не была.

— Но ведь ты, кажется, пошла к ней?

— Лидия. А ее не было дома.

— Пошла, а ты не посмотрела на нее так, как и должна старшая сестра смотреть на младшую.

— И поэтому ты полтора часа болталась возле Горпроката?

— Гуляла, — сказала Гала.

— Понятно, — крикнула Лидия. — Каждый день ты гуляешь за ней от работы до дома, торчишь под его окнами... Ты собираешь грязь на стройке, которую ведет их мастерская...

Гала поняла, что терять больше нечего. Она взглянула на сестру презрительно и гордо.

— Тебе уже донесли? Или, может, сама шпионила?

— В этом, к сожалению, нет необходимости, — спокойно ответила Лидия.

— Могут поздравить — ты уже стала анекдотом.

Гала вдруг замешкала, что все еще стоит у двери, как школьница перед учителем. Она пошла к письменному столу, бросив, не оборачиваясь: — Ну, и слава богу. Кажется, твой Игорь любит анекдоты?

— Более остроумные.

— Даже в иронии сестры чувствовалось ее педагогическое образование.

Гала села к столу, повернув стул боком. Она не нашлась что ответить.

Но, чтобы не давать преимуществ сестре, совсем нехотая связывалась: — Можно смеяться?

— Можно даже плакать, — сказала Лидия. — И вообще мне раньше казалось, что у тебя хватало если не гордости, то хотя бы ума не бегать за парнем...

— Я беру пример со старшей!

— ...который над тобой откровенно издевается...

— А это ты врешь.

— ...и вообще говорит, что такой дуры он еще не видел. Лидия не любила прерывать начатую фразу. Гала приподняла подбородок на сестру:

— Он это говорит!

— Та молчала.

— Дай честное слово.

Лидия, как писали в старинных романах, не удостоила ее ответом.

— Конечно, врешь, — проговорила Гала. Но голоса ее не хватило уверенности.

Лидия сказала с язвительной жалостью:

— Тебе пятнадцать, а ему двадцать шесть.

— Мне шестнадцать, а ему двадцать пять.

— У тебя даже паспорта нет...

— А твой Игорь требовал у тебя паспорт?

— ...тебе в кино на вечерний сеанс может не пустить...

— ...тебе в библиотеке даже не дадут Мопассана...

— Хал Хал Хал

— И вообще, что за манера приваиваться к моим знакомым?

— Он не твой знакомый, а Игорь!

— Во всяком случае, не твой. У вас в техникуме достаточно твоих ровесников, чтобы...

— Хал Хал Хал

Лидия спросила:

— Может быть, ты прекратишь наконец это идиотское «Хал Хал Хал»?

— Хал Хал Хал

Вышла Лидия, решив, что для пользы дела лучше говорить спокойней. Она отложила книгу.

— Попробуй рассуждать серьезно. Поставь себя на его место: ни зачем ты ему нужна?

— Но гало уже начала стихия скандала.

— Затем, зачем ты нужна своему Игорю!

Лидия начала быстро краснеть, глаза у нее сузились.

— Не смей говорить пошлости!

— Что хочешь, то и говорию! — по инерции огрызнулась Гала.

— Я тебе просто уши нарав!

— Хал Хал Хал Педагогический прием!

— Немедленно замолчи! — крикнула Лидия и ударила кулаком по дивану. Пружинки отозвались долгим дребезжащим звоном, и это окончательно вывело ее из себя: — Слышишь?

Гала вдруг поняла, почему так разошлась сестра. На секунду запылала, но тут же отрезала с полным сознанием собственной правоты:

— Каждый понимает в меру своей испорченности!

Она пошла на кухню и долго, с демонстративной тщательностью готовила ужин. Подумавшись! Она слишком хорошо знала Лидию. Ничего ей Костя не говорил. И ничего он не знает. А она пусть знает. Игорю раскисает — наплевать! В крайнем случае всегда можно отбрататься. Докажи!

Она сняла сырники со сковороды. Поглядела в окно. Прислушалась и планировала с стеной, к неверному детским ударам по клавишам. Вечер впереди лежал длинный и пустой. Ей становилось все тоскливей и неприкаяней, и не из-за уроков, не из-за Лидии, а потому, что все отчетливее представлялось, как в тесном дворе кособочится сараичный и зря горит на третьем этаже большое незажженное окно.

Вот уже два месяца ее тнуло к этому окну, как тнуло к тротуару, по которым он ходил, к кварталу, который год назад он вычерпал в своей мастерской. И простенное кафе на углу было его кафе, и горький запах селедки трезвиной и кружки головы.

Легушачи сплели слушать хвалит.
Вск кулики свое болото хвалит.
Мне к своим делам необходимо...

Почему-то не прошла я мимо,
почему-то отпала иконка,
где сидит легушача на личотке.
Отсыкала и спросила:
— Верно,
будто не легушача ты —
царевна!

Поюся на легушачью стаю,
мне она ответила:
— Не знаю.
Если скажу выдумалю люди,
обязательно такое будет!
Все уже сбилось на белом свете:
самолеты капают ветер,
обернулись леса городами,
а пустынные степи — лесам,
на рбные выросли груши,
— расплескал моря по суше —
все на свете связи бывало были,
только вот легушачку позабыли.

Или больше силы нет в народе!
Но двору прикован да колу!

Как жовеш, Иван-царевич!
Где ты бродил?
Беремьши ли ты свою стрелу!

Баллада о мотороллере

Ах, мотороллер, мотороллер!
Он поменял ролями нас.
В традиционной женской роли
я выступила в первый раз.
Как будто на плечи опарлась,
чтоб за широкою спиной,
чтоб так послушно накрываться,
и так послушно выпрямляться,
и снова, снова накрываться,
направо, влево...
Что со мной!
Я в этом странном положении
сегодня с самого утра.
Уже пролодит напряженье.
Уже влечет, влечет движенье.
Смажню мне,
сделаю одолженье,
победа или поражение —
воот это говорюкруженье,
полет в зеленые ветра!.

А ты!
А ты, не отвечаю,
летишь только поводию,
как будто бы не замечаю,
что мотороллер натворил.

Но так ты,
так падали трюны,
так держишь на руке ладонь,
как будто вовсе не мотор он,
а дыбка,
красной масти конь.
Как будто бы комполтом,
скачет,
на этом бешеном ветру,
не в Подлосковье,
не на дачу,
а к полювочному шатру.
И будто волей не своею
я увезти себе дала.
И будто не симу в седле я —
ледуку в полвращи седла.
И замарую, полювочника,
пред этих жутким робужем.
И молния твою кожанку
мне кажется кривым юбокю.

Доколе так дрожать,
доколе!
Везешь в неволно
нй на волю!
И для чего
люблю, люблю,
сбугить!

И я уж — не о женской роли,
и я уже — о женской доле,
о стародавней бабьей доле,
о той, которой не избить.

Но ты!
Ты так и не ответила.
Приехали.
Заторюзил.
А ты ведь даже не заметил,
что мотороллер натворил.

Старинная несня

А ты присел на бережок.
И, не моргнув глазом,
ты сразу пать костров зажег.
Пять костров — разом!
Один горит у наших ног,
потрескивая весело,
другой лохматый огонек
над нами туча свесила,
а третий под волной притих
и зыбко улыбается.
И да еще
в глазах твоих
тихожно занимаются.
Тихожно занимаются.
Горят — не унимаются.

...Как-то шла с подружками в кино и вдруг увидела Костю. Она что-то спросила девочек и побежала за ним. Он не свернул в свою переулочек, пошел дальше, к остановке. Галя испугалась: ведь сейчас сидит в трамвае — и все. Но трамвай проехал мимо, а он стоял и спокойно курил. Какая-то женщина с хозяйственной сумкой посмотрела на него, отошла в сторону и еще раз посмотрела. Он докурил и бросил окурок на рельсы легким плавным движением, от которого у нее оплея слезы подступили к глазам.

Еще один трамвай остановился и отъехал, перемешав людей на остановке. Галя вдруг увидела, что Костя уходит и не один — его держала под руку девушка в шубке и красных ботинках-сапожках. Галя вспомнила, что еще как-то видела ее — наверное, работают вместе. И опять пошла слезами.

Они свернули в боковую улочку, и город будто разом кончился. Пошли одностопные домики, каждый на свой манер, со своим садом, забором, почтовым ящиком и своей, особенной дощечкой на калитке. Здесь еще лежали сугробы, тропинка была узка, и девушка в шубке отпустила Костю руку и пошла вперед. Они пошли не разговаривая, только один раз та обернулась, что-то спросила, кивнула головой, и, рассмеявшись, пошла дальше.

Они зашли в одну из калиток, и минуту спустя осветились угловые оконные домики, акуратного, как дачка.

Галя подошла поближе и встала у забора напротив, прислонилась спиной к асфальтовому штакетику. Время от времени высокий Костя сиелут разламывая надвое освещенный квадрат и сдвигался, уходил в сторону. Галя посмотрела направо вдоль улицы и налево вдоль улицы, запрокинув голову, посмотрела на звезды в тихом небе. Она прикрыла глаза, и плачливо ее освободил от ощущения счастья и покоя. Так хорошо, так спокойно было на этой улице, где все avvolлось горят фонари, где в зашто- ренные окна Костя сиелут, а впереди еще долгие, долгие улицы, когда он пойдет домой, а потом, в самом конце вечно, родные, как собственная комната, сарайчики в тесном дворе...

Раньше с ней никогда такого не было. Нравился в седьмом классе это маленькая: глядела на него сзади, считала, что влюблена. Но это только детство, да и кончилось по-детски.

Как-то он подошел к ней на улице. Она остановилась, холодеет от страха и радости. Он вывернул ботинком асфальт:

— Привет!

— Привет — ответила она.

Чего делаешь?

Она совсем растерялась, и, прежде чем успела что-то сообразить, с языка сорвалось грубая универсальная фраза для ребят вообще:

— Видишь: иду.

Он помолчал немного и спросил:

— Ну, а вообще что делаешь?

Она ответила беззащитно упавшим голосом:

— Хожу...

— Ну, ходи, ходи, — сказал он.

Тем и кончилось. Мальчик был гордый — больше к ней не подошел. А сама не рвалась.

Надвину астралка его на катке — маленький, уши красные, даже вспомнить смешно...

В конце улочки показалась какая-то фигура, и Галя медленно пошла по тропинке — до угла и обратно. Фигура сырляла в одной из калиток.

А в окне, на освещенной шторе, шевелился теперь женский силуэт. Девушка поправляла прическу.

Одевается, подумала Галя, и сердце у нее заколотилось.

Она быстро прошла мимо домика, стараясь заглянуть в яркую щель между шторой и рамой. Но не успела — свет в окне погас. Она бегом бросилась за угол — сейчас выйдут...

В переулочке было светло от частых окон длинного двухэтажного дома. Галя спряталась в решетчатую тень забора и стала ждать. Вот сейчас, наверное, надевает пальто. А та возится с застежками или крутится перед зеркалом в прихожей. Выходит, наверное... Дверь еще надо закрыть...

Идут по саду, тропкой между сугробами... Она вперед, а Костя за ней... Подошла к калитке... Открывает калитку... Открывает калитку... Открывает калитку...

С угла хоршо был виден домик, темный по фасаду, калитка и почтовый ящик, блестящий на заборе рядом.

Чтоб быстрее прошло время, Галя стала считать. Сосчитала до ста. Еще до ста. Уже машинально еще до ста.

Откуда-то вывернулся мальчишка в большом ватнике и, остановившись в трех шагах, уставился на Галя, будто в гляделки играл. Она тоже хмуро подняла глаза.

Мальчишка спросил с вызовом:

— Чего смотришь?

— А ты чего? — спросила она ему в тон.

— Ну, и я ничего.

Он постоял еще немного, сунул руки в карманы и пошел, пренебрежительно дрыгая стоптанными валенками. Галя отстала.

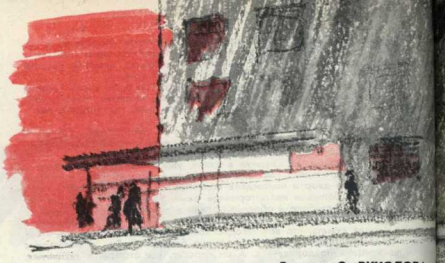
Она опять прислонилась к забору и простояла так долго — полчаска, а может, и час. Она смотрела наискосок через улицу на домик, темный по фасаду, и старалась что-то сообразить — медленно, как сквозь сон. Не было ни обиды, ни горечи. Просто нужно было понять, почему в комнате за потаженным окном — он. И почему — та женщина.

Ревности тоже не было. Он жин в другом возрасте, будто в другой стране. Просто она пыталась понять, законы той страны.

На завтра в пять Галя снова стояла за толстым витринным стеклом «астронома», прислонив к ноге тяжелую от учебников ладку. Все остало, как есть. Только жизнь стала еще сложней: к его работе, его шарфу, его окоу, его кварталу, его кафе прибавилась его женщина.

В пятницу днем Галя встретила ее на улице — ушла по шубке. Пропустила вперед, и в следующую глада на ритмичный переступ красных сапожков пошла следом, как пошла бы за Костей.

Март уже подбирался к середине, солнце было по-весеннему веселое, да и небо было весеннее, ясно. Последние надели по краям мостовых,

Рисунки О. ВУКОВОЛА

сверкали и текли, сугробы чернели снизу и, отделившись от асфальта, выглядели временно, словно их положили тут на минуту и сейчас унесут.

Его женщина остановилась у театральной аркиши, и Галя, зайдя сбоку, быстро глянула ей в лицо. Лицо было обычное, как сотни других, а топе и внимания не обратились.

Галя отошла подальше и уже спокойно посмотрела на красные сапожки и короткую шубку, самонадеянно открывавшую ноги до колен. Ноги были ничего, но не выдающиеся.

Его женщина шла в «Галантерее» и парфюмерной и долго выбирала помаду. Галя глядела, как она отсчитывала мелочь.

Потом вышла из магазина, поглядывая по сторонам и сильно нападла ногой обтупленную ледшину. Ледшника заскользил по наледям, разбрызгав талую воду.

Та наконец получила свою помаду и побежала через улицу у универсам. Галя за ней не пошла. Чего интересного! Подумешь — помаду купила...

Галя шла домой, руки веревки за пазуху, ладно лаяющая капель. Глаза ее возбуждено горели, а в голове сам собою складывался план, на завтра она встретит на улице Костю, поздороваеся с ним и заговорит «ты». А чего? С Лидиным Игорем она на «ты», а ведь ему тоже двадцать шесть...

Полуно Галя подумала и о том, что схватила в техникуме две двойки, а завтра, наверное, будет третья и то злобный в нее мальчишка в тот же недело грозит ей комсомольским собранием за антиобщественное поведение. Но это было ерунда, несущественно, как и скандалы с Лидией, потому что уже четыре обьед, а там скоро и вечер, и вот-вот вспыхнет на третьем этаже то самое окно...

...Она сказала:

— Здравствуй, Костя.

Он ответил:

— А-а... Привет. Из техникума!

Чуть замедлил шаг и пошел рядом с ней.

У Гали все было прошумело и разговор заготовлен заранее. Но все смелость ушла в первые два слова. Она помнила следующую по плану фразу, а вот интонацию забыла начисто, и фраза, которую стояла в ушах такой, как сейчас прозвучит: тупая, жесткая — словно дерзавшка выпадет изо рта и стукнется об асфальт.

Костя спросил:

— Как живешь, молодая?

Она пожала плечами.

— Двоем мы находимся!

Галя отгелка досадной гримасой — ее раздражал этот пионерский разговор.

— Учиться надо на отлично, — сказал Костя, и хмыльнулся.

— Да ну! — отмахнулась она. От досады язык оттаял, и она совсем просто спросила:

— Как-та, а двадцать восьмой квартал вы строите, да?

— Не строим, а проектируем,

— А что там будет?

— Там будет великая вещь, — сказал он. — Микрорайон. Девять тысяч человек. И все, что надо для жизни. Хочешь жить сто лет!

— Хочу, — сказала Галя.

— Передавай в микрорайон.

Она засмеялась открыто и радостно, потому что говорит с ним, и все ей понятно, все легко, и он это чувствует, просто идут вдвоем и разговаривают.

— Жаль, ты не а строительном, — сказал Костя. — Попала бы к нам на практику — сама бы увидела...

На углу он вдруг рассевино оборвал фразу на середине и сказал:

— Вот такая живешь. Как там Лидя? Передавай привет.

Положи ладонь ей на затылок, легкоико встряхнул.

— Учиться надо на отлично!

И быстро пошел через площадку к скверу. У нее совсем понимая, что случится, но автоматический срезае угол площади, чтобы все время видеть Костю.

Он подошел к скверу, и навстречу ему из-за голых кустов и листьев сугробов вышла та, в красных сапожках. Костя наклонился и она поцеловала его в щеку. Потом они пошли. Он что-то говорил, а та смеялась и прижималась к нему.

Галя смотрела, как они идут рядом. Это было не так радом, как пять минут назад шла с Костей она, Галя. И разница была слишком жина и слишком во всем.

Галя была в ботинках на резине, чтобы не промокнуть, и в пальто, что-

бы не мерзнуть. А та была одета, как бывают одеты женщины. И смеялась она, как смеются женщины, и под руку его держала, как держат женщины.

И опять Галя подалвенно шла сзади, отделенная от них двадцатью метрами толпы и дымящегося, подсыхающего асфальта, двадцатью метрами капели и гибнущих сугробов, шла, отделенная от него шестью или семью непроходимыми годами. И слабым утешением послужило то, что, остановившись у театральной афиши, Костя что-то сказал той и, положив ладонь на затылок, легкоко встрянул.

— А жить ей становилось все трудней. Мир теперь делился на Костю и остальное. И остальное — дом, техникум, подруги — становилось, чем дальше, тем незначительней и отстраненней. И все трудней было притворяться обычной Галей, пятнадцатилетней девочкой, студенткой техникума и младшей сестрой. Да и времени на ту Галю оставалось все меньше. Надо было успевать к пяти к толстому витринному стеклу рыбного отдела. Надо было ходить на чужие свидания, прыгая в переулки, в текучей толпе. На окраинной улочке надо было ждать — иногда часами, — пока не ударит по глазам внезапной темнотой чужое окно.

Она решила посоветоваться с Зойкой. Зойка не была ни особенно умной, ни особенно чуткой. Но она знала жизнь — что знала, то знала. Она выросла в огромной коммунальной квартире, занимавшей целый этаж, и житейских тайн для нее не существовало. Она знала, как люди рождаются, женятся, сходятся и расходятся, как стучатся домой пьяные мужья, как вдохновенно и злобно враждуют две женщины из-за мужчины. Она прекрасно разбиралась в том ворохе бытовых и канцелярских забот, которые, помимо общезвестного горя, приносят с собой смерть человека.

Она переспросила:

— Двадцать шесть, значит!

Галя кивнула.

— Подумешь, — сказала Зойка. — У нас недавно девочка расписалась, ей семнадцать, а ему тридцать два. Правда, она в положении была. Они стояли в закулке позади техникума. Зойка привалилась спиной к серой, нагретой солнцем стене: она любила комфорт.

— Ну, и чего думаешь делать?

Галя пожалла плечами.

— Он знает!

— Да ну, — позавчера опять про двойки спрашивал.

— А на той выдرة жениться думаешь? — понтересовалась Зойка.

— Она не выдра, — вздохнула Галя.

— Почему не выдра?

— А почему выдра?

— Конечно, выдра, — спокойно, без всякой злобы заключила Зойка.

Она повозила ладонью по штукатурке — выбирала место потеплей.

Снова привалилась к стене, подумала немного и решила:

— Скажи ему, и все.

— Что сказать? — удивилась Галя.

— Да все. Чего тут тминить! Двадцать шесть лет — значит, парень серьезный, взрослый человек. Тем более Лидин знакомый. Так просто портить жизнь тебе не станет, да и ты, в случае чего, не дура. Возьми прямо и скажи. А там пусть смотрит. Чего тебе голову ломать! Пусть сам думает, пусть у него голова болит.

Галя засмеялась:

— Так прямо и сказать? Я вас люблю, к чему лукавить?

— А чего! У нас равноправие...

— Вот, подумает, хахалка!

Галя совсем развеселилась — разговор шел несерьезный.

Зойка спокойно возразила.

— Наоборот. Подумает, наивная девочка. Мы же для них дети.

Потом, когда прощались, покачивая папками, Галя спросила:

— Зой, ну серьезно, что делать?

— Привет! — возмущилась та. — Трепались, трепались, а теперь опять сначала. Скажи, да и все.

— С ума сошла!

— Ну, письмо напиши, как Татьяна Ларина...

Постояли, посмеялись и разошлись.

Галя подождала трамвая, бросила медяшку в кассу и села у окна. Ей

было холодно, локти подрагивали, она прижимала их к бокам... Она понимала, что все разговор с Зойкой — глупость, просто языки полечали, и не думала всерьез ни о каком письме. Но фраза была сказана...
— Через два дня вернусь. Галя пошла в читальню, села в угол к самой стене и с минуту смотрела поверх воротинок и причесок, по моде пригнанных или по моде нерышавших. Губы ее были сухие, но все-таки слегка шевелились в такт выученным, почти забытым, вот уже два дня таким необходимым стихам:

«...Решено. Судьбу свою
Отныне я тебе вручаю...»

Галя отгородилась от мира «Основами теплотехники» и стала писать. «Костя!»

Наверное, это смешно и глупо, что я тебе пишу, и ты подумаешь, что просто глупая девчонка, к тому же маленькая. Хотя ты и так это думаешь — ведь ты и говоришь со мной только об уроках и о двойках.

Да, мне всего только...»

Она с полминуты размышляла, что написать, и написала «пятидесятать» — в этом письме не должно было быть ни слова неправды.

«...Да, мне всего только пятидесятать», — писала она, — и мне слишком часто об этом напоминают (особенно больно, когда напоминаешь ты). Только пятидесятать, но я все равно тебя люблю. Люблю по-настоящему и, мне кажется, не могла бы любить сильнее, даже если бы мне было восемнадцать или двадцать, но я не знаю, со скольких лет это разрешается.

Ты не дунай — мне ничего от тебя не надо, совсем ничего. Просто я счастлива, что ты живешь на свете. Я люблю твою дверь, твою оконку, улицу, по которой ты ходишь, твой красный шарф, дворя, которую ты открываешь каждый день, пять минут шестого. Я люблю даже твою дваружку за то, что ты ее любишь.

Я знаю, что ты никогда не будешь меня любить. На это я тоже не надеюсь и не думаю об этом. Самое большое, о чем я мечтаю, — это сделать тебе хоть что-нибудь хорошее. Что угодно — хоть вымыть пол в твоей комнате...»

Галя написала еще с полстраницы, потом внимательно перечтала, повторяя про себя фразу за фразой. Ошибок не было, только в одном месте она не знала, ставить запятую или нет. Тогда она поставила, но зачеркнула маленькой черточкой, чтобы можно было подумать и так и так. Потом вложила письмо в конверт и медленно, нежно провела языком по конверту...

Возле его дома топтались какие-то ребята. Она прошла мимо, в подъезд, сырывает от запотевшего кирпича, избежала на третий этаж. Конверт зевнешался в щели почтового ящика, белый уголок секунды две маячил на черном деревянине двери.

А потом — визг, и опять запотевший кирпич подъезда, парни с их смешками и палпирасками... Она не удивилась бы, если бы они вдруг окружили ее, хватая за руки, за груды и грубияны, до конца откровенными словами объясняли, зачем она приходила, чего хочет и так и так. Она не удивилась бы и не оскорбилась. Она знала, что настоящая правда написана в письме. Но еще знала, что никто в это не поверит, и знала, что теперь будет считаться правдой о ней и как теперь будут думать о ней все — даже Лидия, даже ребята из техникума. И она не смогла бы написать это письмо, если бы сперва не перешагнула и через страх и через стыд...

Лидия ровно сказала:

— Мне звонили из техникума.

Галя не ответила.

— Ты знаешь, чем это грозит? Тебя просто выгонят.

— Я все равно не буду тут учиться, — сказала Галя.

— А где будешь?

— Переяду в строительный.

— С двойками?

— Тогда поработай пойдешь на стройку.

Лидия не сразу спросила:

— Ты что, окончательно сошла с ума!

Спросила так спокойно и устало, что Гале вдруг стало не по себе. Что с ней творится? Все рухнет, все катится... А остановиться уже нельзя! Она стемнела постелью, укладывалась. И странно было словно со стороны смотреть на собственные колени, и странно было тронуть рукой другую руку.

Через день Костя позвонил. Он не узнал ее голоса. Тупея от страха, она ответила, что Лиды нет.

Он, помедля, спросил:

— А кто говорит?

— Галя, — выдавила она, словно в чем-то призналась.

— А, Галя... Понятно, — сказал он и снова помедлил. — Встретиться бы надо, поговорить, а?

Она молчала.

— Ты завтра вечером что делаешь?

— Ничего, — тупо, без выражения, ответила она.

— Тогда приходи ко мне... Приходи в шесть. Ладно?

— Ладно, — так же тупо согласилась она.

— Знаешь, где живу?

— Тогда договорилась. До завтра!

Она еще с полминуты слушала трубку, пока не поняла, что это просто частые гудки. Тогда она положила трубку. Завтра, в шесть часов. Что будет завтра в шесть часов, она не думала. В половине шестого она вышла из дому. День, с утра синий, уже остывал.

Галя шла быстро, но ноги двигались неловко, как чужие, и руки были как чужие, и каждый ее шаг принадлежал не ей...

Костя открыл дверь и сказал:

— А-а... Заходи.

В коридоре было темно, Галя ударилась обо что-то бедром и тупо ощутила, как болит и твердеет ушибленное место.

Костя толкнул дверь в комнату. Она вошла следом и стала у двери.

— Сиди! — сказал он.

Она села на стул, с самым краешек, сдвинув замятенные колени.

— Ну! — спросил Костя.

Она глядела на пол, со страхом чувствуя, как подбирается к плечам озноб: вот-вот заходит дрожью все тело, и тогда уже ни встать, ни сказать слово, ни двинуть рукой.

— Какое скляное лето!

Она слпнула:

— В августе будет шестнадцатый.

— В августе... он пожимал головой. — Учиться тебе надо, понимаешь! Помолчал, будто ждал ответа, и снова заговорил.
— Хочешь — слушаю, хочешь — нет, но мой тебе совет — не балуйся ты этим делом. Это успешь. И нрадоваться успешью и наплакаться. Это ведь штука такая: один раз сплотишься, а потом все жизнь синики считать будешь. Понимаешь?

Она кивнула. Она ничего не понимала. Она просто ждала, когда он скажет, что с ней будет дальше.

— Ну, вот и слава богу, что понимаешь, — проговорил он, и голос его повеселел. — Ты девчонка симпатичная, тебе особенно нужно голову на плечах иметь. Ясно?

Галя поняла, что надо снова кивнуть, и кивнула.
— Ну, вот и порадоваться, — услышала она и вдруг почувствовала на щеке его руку. Она смалась и, почти закрыв глаза, вдруг потонулась щекой к жестковатой ладони...

— Умница, — сказал Костя. — В общем, будем считать, что договорились. На вот тебе шоколадка и чаша доной.

Она взяла и сунула пальцами в рот тоненькую лепкую плиточку. У двери Костя потрел ее по плечу и сказал напоследок, опять ухмыльнувшись:

— А учиться надо хорошо!

Потом она шла по улице, морщила брови, чувствуя, что что-то промалозило, и никак не могла понять, что именно. Шоколадка теплая и размазанная ладонью, вспоминала о ней только дома, на лестнице, когда полезла за ключом. Она машинально съела шоколадку, скатала обертку в плотный комочек и бросила на лестницу — серебрястый шарик мягко запрыгал по ступенькам.

Лидия не было, но вышла она, видно, ненадолго: белье, замоча- шавшая с вечера в замороженном тазу, было опять теплой мыльной водой. Галя сняла коточку, надела передник и стала стирать. Теплая мыльная пена скликала и опадала между пальцами.

Пришла Лидия, встала за спиной и опять стала говорить что-то про учебу, про отметки. Галя не отвечала. Лидия сказала:

— Ну-ка, посмотри на меня.

Галя не обернулась.

— Ты можешь ответить?

Она не ответила.

Тогда Лидия обожала ее и, взглянув в лицо, проговорила, с удовлетворением: «Надеюсь, ты ответишь на каждое слово».

— Теперь, надеюсь, ты возмалешь за учебу.

Галя сполнула и выкрутила белье, развесила в кухне. Лидия вообще ела. Она ответила, что не хочет, — ей, правда, не хотелось есть и вообще не хотелось в комнату.

Лидия сказала:

— Только, ради бога, не объявляй голодовку. В конце концов промалозило лишь то, что все равно должно было произойти. И, поверь, тебе же на пользу.

В кухне сквозящее, асесное пахло мокрым бельем. Галя надела коточку и села на табуретку к окну. Плечи и руки у нее обвисли, даже пальцами шевелить не хотелось.

Квартал был свободной застройкой, дома стояли обособленно, и в холоде новатой темноте вечера их окна светились замкнуто, одиноко. По шоссе едали прохвал одноклассный грузовик, березливо моргал единственной фарой...

Вдруг Галя поняла. Она быстро прошла в комнату. Лидия читала, полужела на диване. Галя встала у ее ног и проговорила негромко, почти уверенительно:

— Это ты ему сказала?

Лидия неторопливо оторвалась от книги.

— Что сказала?

— Ты знаешь, что...

— Это имеет решающее значение? — спросила Лидия.

— Ты!

Лидия перевернула страницу и спокойно ответила:

— Он достаточно умный парень, чтобы без подсказок знать, как себя вести. И, к счастью, достаточно порядочный.

— Ты, — сказала Галя и горько покачала головой. — Значит, все-таки ты. Во-первых, ты привнесла себе слишком большое значение...

Галя пошла к вешалке, надела пальто. Вышла на лестничную площадку — и вдруг разом вспомнила весь разговор с Костей, будто заново услышала. Боже мой, какой дурацкий разговор!

Она почти бежала по лестнице, бежала по улице. Какой дурацкий разговор!

Конечно, так оно и было. Лидия его некрутила, просила не губить девочку. А он же порядочный! — вот и повторял ее слова. Все слова ее! Сам только поглядывал по щеке...

Она добежала до остановки и в трамвае по инерции пробежала сквозь вагон от задней площадки к передней. Скорей бы его увидать!

Сейчас Костя казался совсем своим, почти ровесником. Просто дурачилась. Лидия некрутила его, а он из благодарности повторял... Какой дурацкий разговор!

В его окно на третьем этаже было темно.

В углу окна деревянный уголок то самое угловое окно было погашено.

Галя стала идти. Она стояла прямо под фонарем на раскисшей тропинке. Почему-то мерзали ноги, она поджимала пальцы. Она не знала, сколько придется идти — час, два, больше. Но тяжело было не идти — тяжело было, что еще час, два или больше будут стоять у нее в ушах скляные или Лидины слова.

Откуда-то снова вывернулся тот мальчишка в большом ватнике. С минуту постоял, глядя ей в колени, потом буркнул:

- А его нет.
- Кого его? — спросила Гая.
- Не знаешь, кто ли? Кости...
- Она молчала, и мальчишка нехотя объяснял:
- На танцы пошли с Маринкой, в «Стрельбу».
- А ты откуда знаешь?
- Знаю, — сказала она.

Снова постоял молча, и мальчишка хмуро проговорил:

- Чего ты все за ним бегаешь? Он же с Маринкой ходит...
- Гая спросила:
- Давно ушли?
- Ах, наверное, — ответил тот. И уже вслед ей крикнул:
- Ты узкоколейной беги — короче...
- ...В шикарном вестибюле Дома культуры Гая сняла пальто и подала гардеробщицу. Гардеробщик пальто взяла. По широкой лестнице она взбежала наверх.

После удачи большой зал ошеломил ее светом, кружением, теплыми волнами музыки, праздничным запахом духов. Она приткнулась к ближнему подоконнику и стала смотреть на быстро мелькающие пары. Иногда на нее оглядывались, но ей было все равно. Ее не подавали! Наряды девушки и не было стыдно за школьные, битые и потертые полуботинки: в этом зале она была сама по себе.

Поставе немного и привыкнув, Гая стала пробираться ближе стены, щурясь и вытирая шею, чтобы высмотреть Костю в этом кружении и мелькании. Но его не было.

Тогда она выбралась в коридор и стала пробираться по переулкам и закоулкам отлогого Дома культуры. И тут было много народу. Какие-то парни курили в полутемном туалете. У зеркала полная девушка старательно регулировала завяток на лбу.

Гая все время оглядывалась, в конце концов налетела на какого-то высокого парня, и тот, алая ее за плечи, глядя в бледное целеустремленное лицо, недоуменно спросил:

- Это еще что за лунатик!
- Она молча вывернулась из его рук и пошла дальше.
- Костя стоял у входа в шахматную комнату с двумя ребятами и девушкой. Гая не заметила, та девушка или не та, да это и неважно было. Она бросилась к Косте и схватила его за рукав. Он обернулся и удивился:

- Ты?
- Она сказала:
- Костя, ты не сердись, я за минуту. Мне только с тобой поговорить...
- Что случилось, — спросил он.
- Мне Лидия все сказала. Костя, ты понимаешь...
- Но мы же с тобой обо всем договорились, — сказал он, оглядываясь на своих и как бы отделив себя от Гая спокойным доброжелательным тоном.

— Ты не сердись, — на ребят подмигнув Костя, и тот, словно оправдываясь, она пошла печальнее.

— Ну, мне же Лидия все сказала, — улыбаясь Гая. Она глядела только на Костю, удивляясь, как он до сих пор не понял, что того их разговор просто не было...

Девушка усмехнулась, авая под руку одного из ребят, отошла. Второй парень пошел за ними. Они остановились у окна и закурили, девушки тоже.

— Слушай, ну чего ты, ей-богу, — сказал Костя — Ну, глупо же. Смешно ведь. Лидия, не Лидия... Она-то при чем? Ведь мы же договорились. Ну, глупая, зачем ты сюда пришла!

Ребята и девушка у окна негромко засмеялись. Он испуганно оглянулся на них и раздраженно повернулся к Гале:

— Смейно ведь, ты понимаешь — глупо.

Она не ответила, только усмехнулась. Он боялся... Пусть бы грубил, курчал ее, прогнал — а он боялся. Эх, Костя, Костя...

— Оди из ребят, курчавый, подошел к ним. Костя иронически скосил глаза, и голос у него стал терпеливым, взрослым:

— Иди домой. Сестра, наверное, беспокоится.

— Улыбаясь и говорил он над курчавого — иначе сказал бы не «сестра», а «Лидия».

— Интимные тайны мадридского двора? — спросил перень. — Мы будем в зале, старик.

— Да нет, мы уже кончили, — торопливо сказал Костя.

— Решили мировые проблемы? — синхронно улынулся парень, повернувшись к Гале.

И вдруг перед глазами у нее стало красно от злости, от обиды, от ниточности их приглядывающих фраз, и — все равно.

— Да нет, ничего особенного, — сказала она курчавому. — Просто я его люблю. Это очень стыдно, да?

— Да нет, почему...

— Нет, вы мне правду скажите — стыдно!

Она обернулась к Косте и проговорила ласково:

— Костя, ты не сердись. Ты не бойся. Ведь это надо мной будут смеяться. Ты же не виноват.

Потом сказала курчавому громко, чтобы те у окна тоже слышали:

— Вы не смейтесь над ним, ладно? Вы лучше надо мной. Ведь это я люблю, он при чем...

Она повернулась и пошла, разгневанная пробиралась сквозь толпицы, курчавый, переобразившись походя разной словесной мольбой. Она знала, что там, среди, они сейчас будут шуточками и ухмылками смеяться весь этот разговор, пока не приглядят до радového анекдота. Но теперь это не имело значения.

Потом она шла уличца, и странно было чувствовать себя идущей незачем и никуда. О нем она не думала, будто его и не было, ни походы, ни шараф, ни окна на третьем этаже.

Вот и кончилось, сказала она себе, вот и конец. Она пошла еще медленнее, еще больше сливаясь с улицей.

...Она еще не знала, что в жизни много концов и много начал.

ПЕРВОЕ
ЗНАКОМСТВО
С ПОЭТОМ

Танзила ЗУМАКУЛОВА

Танзила Зумакулова — молодая бажкарская поэтесса. Она первой среди женщин этого небольшого кавказского народа стала профессиональным литератором. Недавно в Нальчике вышла ее книга стихов «Вдм очаг» в переводах на русский язык.

Горцы

Стихи сложили стихотворцы
О змьих гор,
но ни один
Не знал, насколько выше горцы
Своих подобачных вершин.

Я глядымаюсь в даль столетий,
Мне кажется, что — дети гор —
Возникли мы на белом свете
Намного раньше этих гор.

Ваяря дого неподобья
На древних горцах, чудных ала,
По образу их и подобью
Правора горы создава.

Она судила и радилась,
Пока решила наконец,
И глабы гор нагромодила,
Вздыг горский дух за образ.

Не потому ль вершины птичьих
В небесный тундрет простор,
Что сила горцев, их величье
Воллощени в иде гор.

Не потому ль, как горим, горы
Стоили гордо сто веков,
Перед ваярем и перед горем
Не опустя седых годов.

По лицам гор лишь в день
пожой
стекают слезы таьих вод.
От счастья плачет горец тоже,
А в час печали слез не лет.

Там, в этих высях первозаданных,
В снегах, не тронутых досель,
Вместилась чистота гораций —
Орлиц подобачных земах.

Мы на чужбине пропадали,
А горы оставались тут,
И дорогих бажкарцев ждали,
Как зовнов горящих ждуд.

Гордятся, горы, высотой
И красотой без призрака.
И мы, Кавказ, горды тобою
И тем, что ты похож на нас.

Камни

Земля есть, где клад спрягают веда,
Земля есть, где круглый год нева,
А меза земля от века недра
Камнем только и одарена.

Камни, вы на плечь нагромодили
Саки, сгорающие нас,
В грозный час оруьем нам служили,
Вы постелью были в мирный час.

Не давали нас своего владыка,
А с древнейших лет и до сих пор
Вы молчите добро в знак согласия
С жизнью уроженцев этих гор.

Ведовый дух под обокнами
И луга на скалах высоко
Понимают, каково из камня
Выжмать и хлеб и молоко.

Камни, от печали, не от зноя
Летнее порою горели вы,
Не от стужи летою зною,
Видя горы, деденя вы.

В хажие вяды при туселом свете,
Камни, вы на медленном огне,
В утешение голдым детям
Закалили в гореском казане.

Вы молчите в пору расстаьания,
Вы молчите на холмах могил.
Чтобы в каменном застыть молчанье,
И-то знаю, сколько надо сия.

Важу: ваши каменные груди
В трещинах от пламени и бел.
Могут быть каменосердыми люди,
Но камней каменосердых нет.

***

Знаю я, что ни к чему сейчас
Сожалеть о том,

что не исправит.

Не мое желание видеть вас,
Больше вашего — меня оставит.

Если станет грустно вам опять,
И хочу, чтоб вы не забывали:

Знайте, с ваших плеч смогу

я снять
Половину горя и печали.

Знайте, в том краю,

где верность — лед,

Что не тает на горе дуглаовой,

Женщина одна вас ждет и жлет.

Хоть на это не имеет права.

Перевод с бажкарского
Н. ГРЕННЕВА.

200 ХОЗЯЕК БОЛЬШО

Фото Александра УЗЛЯНА
Текст Бориса АЛЕКСЕЕВА

Этот фоторассказ об универмаге, о хорошем и вместе с тем обычном магазине, что стоит в центре Липецка.

— Загляните в наш универсальный, — не раз советовали нам.

И мы отправились в магазин. До открытия оставалось двадцать минут. Девушки-продавицы были заняты последними приготовлениями к приему покупателей. Хозяйки

универмага, а их тут больше двухсот, прихорашивались сами и «прихорашивали» все вокруг — витрины, прилавки, полки с товарами, — чтобы все было красиво, элегантно, броско.

...Художник делает витрину. Это Вали Куанцова, одна из тех, кому были адресованы теплые слова рабочего металлургического завода «Свободный Соколь Александр Мещеряков на покупательской конференции: «Наш универмаг — настоящее украшение города. Особенно красив он вечером, сверкающий яркими огнями витрин. Удовольствие — уже просто прийти посмотреть на него».

Вместе с Валий за внешним обликом, «лицом» универмага следят Агнесса Войлокова и Юрий Зимарин.

ТО ДОМА

Умение и вкус молодых художников помогли тому, что район универмага стал одним из любимых мест прогулок жителей Липецка.

...По лестнице, устланной ковровой дорожкой, сходят манекенщицы. Вдоль перил выстроились продавщицы. Еще есть десяток свободных минут, и надо воспользоваться ими, чтобы посмотреть, как выглядят только что поступившие в продажу платья, костюмы. Девушки знают: покупательницы придут к ним, как к друзьям, а надежда на то, что хозяйки универмага подскажут, что купить, подберут вещь по вкусу. Здесь можно и просто полистать журналы мод, выбрать фасон. Есть тут и уголок раскроя тканей. Это на тот случай, если кто-либо захочет приобрести не готовое платье.

а отрез ткани. Опытная закройщица раскроит материал, даст немало добрых советов.

Мужчины тоже большие поклонники универсального магазина. Особенно когда на повестку дня встает вопрос о покупке хорошего костюма или модного пальто. А в том, что вещь, приобретенная здесь, будет действительно модной, можно не сомневаться. Об этом заботится все — от протавана и товароведа до директора универсама Светланы Александровны Секир. Посмотреть, как придирчиво осматривают она поступившую с Квинцевской ткацкой фабрики № 1 партию мужских костюмов.

Если вы решили купить аккордеон, вам, как правило, не обойтись без помощи музыканта: надо привести с собой специалиста, чтобы проверить инструмент. В отдел музыкальных инструментов ленинского универсама приходит без таково «подкрепления». Ведь многие продавцы после работы сами становятся музыкантами, играют в самодельном эстрадном оркестре. Вадя Рабичков, например, охотно продемонстрирует покупателю аккордеониста того же аккордеона, Люба Бессонова сыграет знакомую мелодию на гитаре, Вадя Терехов покажет, как звучит саксофон...

Ну, а претензии покупателей?

Все хорошо в нашем универсаме, говорят горжаме. Пожелать можно лишь одного: чтобы побольше было красивых товаров.

Да, претензия есть. В основном они относятся к поставщикам. И хозяйкам универсального магазина надо быть с поставщиками строже, чтобы заслужить еще большую любовь покупателей.

Впрочем, есть еще одна, особая категория посетителей универсама, для которых важнее всего не ассортимент и не качество товаров, а просто девичья улыбка. Юноши. Их можно увидеть за стеклами витрин. Расстоянием, ладонь плюс еще два пальца означают: «встретимся в семь». Иной раз пальцем не хватает: задерживаются девушки. Тогда парни отходят от витрин, прохаживаются по тротуару: «Мы подождем».

Это влюбленные. Их много. Во всяком случае, не меньше двухсот. Они появляются поближе к вечеру. А сейчас...

Истебли взволнованно-приподнятые минуты предторговой суматохи. Вот-вот в двери универсама войдут первые покупатели. Они знают, что не напрасно потратят время, что по ту сторону прилавка их встретят люди, проникнутые одной заботой — быть добрыми друзьями, первыми советчиками и помощниками каждому, кто переступит порог их большого гостеприимного дома.

Римма КАЗАКОВА

ГАЛЬКА

Гале

Шлефует гальку вода, когда
годе накапывают на годе.

Ей снятся сказки про паруса,
а жизнь — прибрежная полоса...

Вон шхвал песчинку вогнал
в песок — как пулю всаживают в висок!

Подобно верному денщику,
голыш-солдатик надул щеку.

По-генеральски возвыся бас,
волна по камню с размаху — бац!

А где-то тропики, полоса...
Но жизнь — прибрежная полоса...

Да как же это! Вихри, углы —
неужто все это вне игры!

О, неужли мое лицо —
всего лишь камень в твое кольцо!

По побережью брожу, боса.
Над галькой — галочьи небеса.

Неужто, галечка, жизнь пройдет,
как кто-то галочку отчеркнет!

Но море сердится мне в ответ,
шлепает и шлепает слово ветист.

Но море, черное, как наган,
дерется галькою по ногам!

* *

Растет мой мальчик. Делаю зарубки.
Все выше перескакивают меты.
Растет берет за ручки, как за руки,
кастриюльки, двери, разные предметы.

А ну жди, мой полупух безбровый,
еще без толку землю-то потопчешь!
Привстань на цыпочки, сынок, попробуй
снять с этой полки книгу, да потопчешь!

Раст, сынок! Коль так пойдет и дальше,
ты станешь выше Эйфелевой башни,
и выше дома на Смоленской площади,
и выше Долгоругого на лошади...

Как из степей — сквозь их жару
и выжженность,
как из лесов — их чистотой дыша,
восходит Среднерусская возвышенность,
пускай взойдет, сынок, твоя душа.

КУКУШКА

Кукушка, кукушка, кукушка,
незало еще на вету
ты будешь долбить мне
лакушку

Над лесом, над тизми
райцентром
в дождинках, в лучинке
ручья —

моя, с белорусским акцентом,
как первая нянька моя.

Кукушечка, что ты кукуешь!
Какую судьбу мне кукуешь!
Тоскуешь! О чем-то тоскуешь!
Слытри, мою жизнь не корьешь!

Уж ты ли не знаешь ей цену...
Будь доброй, года торопа.

О родина, как я всецело
зависаю от тебя!

О родина, как я бездомна —
брусничной, прилпшней
и кукуль,—
без этих насмешливо-добрых,
твоих горловинных «ку-ку»...

Кукушка, кукушка, кукушка...

Живут на свете дураки:
на бочку меда — дегтя ложка.
Им, дуракам, все не с руки
стать поумнее хоть немножко.

Дурак — он, как Иван-дурак,
всех кормит, обо всех хлопочет.
Дурак — он тинет, как бурлак.
Дурак во всем чернорабочий.

Все спят — он, дурын, начеку.
Куда-то мчит, за что-то бьется...
А достается дураку —
как никому не достается!

То по-дурачки он влюблен,
так беззащитно, без опаски.
То по-дурачки робок он,
то отравленен по-дурачки...

Не изворотли, не хитер,
дурак возьмет — и в ус не дунет.
Дурак уходит на войну,
бросает броне: — Ищите дурака!

За друга на себя вину
дурак возьмет — и в ус не дунет.
Дурак уходит на войну,
бросает броне: — Ищите дурака!

Живут на свете дураки,
спит и шлепает слово ветиста...
невероятно далеко
от разных умников величико.

Но умники со всех сторон
клянут их род нелепый, древний:
— Ну и дурак, ей-богу, он!
Махнуть из города в деревню...

— Седой уже, а все дурной!
Поймите этого растаяну...
— Дурак, весь век с одной женой!
— Дурак, не может сунуть в лапу!

— Дурак, на вздохушке женат
и кормит целую ораву...
Пусть умники меня протаст:
мне больше дураки по нраву.

Я и сама еще пока
себя с их племенем сверю
и думаю, что дурана
я этик делом не сваяю.

А жизнь у каждого в руках.
Давайте честно к старту выйдем,
и кто там будет в дураках,
увидим, умники! Увидим.

Людмила ЩИПАХИНА

ЯХТА

Наполнен ветрами мой парус,
И, тело мое накренив,
На самый подбалабный ярус
Волна поднимает меня!

Все плещет, гудит и брызгает.
Но мне не опасно упасть!
Пускай меня море бросает
В свою неопасную пасть.

Я в море живу, не фальшива,
Гордись штормовую судьбу.
Меня пароходы большие
Гудками зовут за собой.

И летчик в военной пилотке
Промчится, крыло наклоня.
Завистливо старые лодки
Обрызгают левой меня.

В воде есть соленая примесь.
И все же всему вопреки
Меня не поставят на приязнь
Две сильные чьи-то руки!

Свободная яхта морская,
Лечу, нарусамися звеню...
Зачем же я сердцем мирская
И к берегу тинет меня!

О НЕЗАВИСИМОСТИ

Щедро осень сыплет аистьями
на асфальты площадей.
Я хочу быть независимой
От событий и людей...

Ну, а люди жаждут братства:
Ждут, спешат, у касс сплуют.
Говорит мне кто-то: «Здравствуй!»
Отвечаю я: «Салют!»

И, приветствием отмечена,
Я легка в своих шагах.
Но меня печалит женщина
Со слезами на щеках.

Ну, а рядом чья-то чалка,
Два растрепанных кулика,
Как смелит меня девочонка
У претного ларька!

Вот реклама на строение.
Засветилась буквой. Ах,
Как мне портит настроение
Надпись страшная «ГОССТРАХ»!

Только я ведь независима,
Не причастна никому...
Хамнул дождик частым бисером
И затеял кутерьму!

Я смеюсь. Бегу от дождика
Сквозь спалонную пелену.
Во дворе окляну дворника:
«Вот так айвеш! Ну и ну!»

Затрещает на скамье
Мокрая газета.
Стоялки в траурной каюте
С именем поэта.

Ну, а жизнь течет обычно,
Все идет своим путем...
Независимая личность,
Что ж ты плачешь под дождем!

Кижи. Архитектурный ансамбль — один из самых знаменитых памятников русского деревянного зодчества.

мемориальные усадьбы Абрамцево, Тарханы, Каляйца, Талашино.

Нам пришлось разговаривать с людьми, мечтающими побывать в Соборе Паринской Богоматери, осмотреть Византийский собор, соборы Ирано-Югославия, увидеть церковь, расписанную Мавро Космопулом. Но заговорить с этими людьми о том, что — здесь, у себя дома, спросите их бы вы, они в Суздаль, Ростове Великом, где находится, может быть, лучшей в мире архитектурный ансамбль, созданный в XVII веке. Слышали ли они о деревянном народном зодчестве нашего Севера, видели ли они фрески древнего Новгорода?

Все знают Иотэ-Дам де Парм, но многие ли бывали во Владимирском Успенском соборе, где сохранились гениальные фрески Андрея Рублева, или в церкви Грузинской Богоматери в Москве, фрески которой превосходят многие лучшие памятники Италии, в пригородном храме Покрова на Мариничине в Италии, в пригородном храме Покрова на Нерли, и уж совсем ценными являются фрески царя Дмитрия в Угличе, простой и мужественный, как страницы русской летописи.

Мне приходится на разных языках слышать от друзей каждому русскому слово «Кижи». Но мало кто знает, что совсем недавно, всего полтора года назад, мы безвозвратно потеряли родину сестры Кикой, Ахлэмского церковь около Вытегры — бесценный памятник XVII века. Ее сожгли пыльные хулиганы. Снянут: случайность. Нет, причина та же, отсутствие должной охраны памятников.

Ному пришлось поехать по России, особенно по ее Северу, завет, наметил печальную картину представляют собой местные музеи — эти, по мысли Ленина, первые пропагандисты и воспитатели патриотизма. В музеях часто работают люди случайные, без специального, а то и совсем без образования. И все это вытлаено низкой оплатой музейных работников, установленной еще в 30-е годы. А ведь они, работники музеев, в первую очередь должны быть хранителями нашего наследия.

Как мы пропагандируем нашу культуру? Среди сотен журналов, издаваемых в СССР, нет ни одного, посвященного проблемам истории и развития русской культуры.

За последнее время в Москве были устроены очень интересные выставки американской художницы-примитивистки и южнокорейских примитивистов, а народные художники Горьковской области скромно работают в деревнях под городком, и только заезжие любители имеют видеть их прекрасные произведения — небольшие по размерам и быстросменные картины из русской народной жизни. А неизвестные люди собирают каменные половецкие изваяния IX—XII веков хранятся в Ленинградском музее, но не нашли места на стальной выставке.

Не лучше обстоит дело и с нашими классическими изданиями. Каждый знает о Сикстинской мадонне, но все ли слышали о Владимирской Богоматери, иконы XII века, быть может, самым прекрасным женским образом во всем мировом искусстве? Это произведение хранится в Третьяковской галерее, но найти в магазинах репродукцию — задача почти невыполнимая. И после этого не слышим ли строго мы судим молодых людей, которые слышали о Рафаэле, но не знают о том, что Сикстинская мадонна и Владимирская Богоматери, так сказать, одно и то же лицо!

Пропаганда отечественных памятников культуры могла бы занять и наше кино, но оно предпочитает путешествовать «от Рима до Милана», снимать памятники культуры Латинской Америки, Африки и Мадагаскара. Это очень хорошие фильмы, и, быть может, нужно делать их гораздо больше, но почему бы, сделав, после путешествия от Рима до Милана нашим кинематографистам не совершить поездку от Москвы до Третьяковской галереи, во время этого путешествия мы будем не только восторгаться произведениями русского национального гения, но еще глубже почувствуем специфику и неповторимость другой культуры.

Кто должен заниматься этими вопросами? Кто должен по-настоящему возлагать дело охраны памятников культуры сегодня, когда так много пора быть в набаб? Кто снимет первое слово?

Во многих республиках созданы и успешно работают добровольные общества охраны памятников культуры. Но в РСФСР, где больше всего по достоинству рода ценностей, такого общества до сих пор не существует.

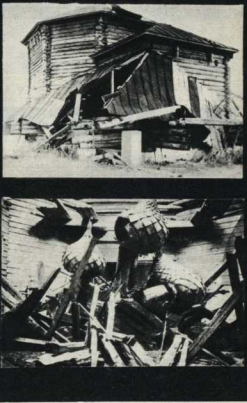
Совсем недавно за это общегосударственное дело взялись молодежь, комсомольцы. Группа студентов Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева выдвинула идею создания молодежного клуба по изучению истории нашего народа. Эта идея нашла поддержку у студентов Московского университета, студентов погримали в ЦК ВЛКСМ, в обком комсомола и Министерстве культуры. Областное Управление культуры предоставило помещение для будущего клуба — Крутицкий теремок, красивый памятник Москвы XVII века.

Мы не будем сейчас подробно говорить о клубе «Родина» — он делает свои первые шаги, — с уверенностью можно сказать, что дело, начатое молодежью, стоит того, чтобы поставить его на прочную ногу. Ведь речь идет не просто о новом очередном клубе, появился на свет боевой авангард энтузиастов, столь необходимых нашему нынешнему положению вещей. Ибо они понимают, что речь идет об очень важных вещах — об эстетическом воспитании и воспитании патриотизма. Речь идет в конечном счете о любви и Родине.

Замечательный памятник русской гражданской архитектуры XVIII века в селе Петровское-Албино (Московская область) лежит в руинах.

Эту картину можно увидеть в селе Холм, Московской области. Совсем недавно эти руины были реставрированы деревянным памятником 1552 года.

Когда речь заходит об охране памятников, часто слышатся на отсутствие средств, на так называемую «нерентабельность». Но это, можно говорить, несерьезный довод. Известно, что правильно поставленный туризм — одна из самых доходных статей. Общая сумма поступлений от этого «невидимого импорта» по всем странам составила в 1962 году около 8 миллиардов долларов. Он обогнал по размерам выручки самую крупную статью мировой торговли — нефть; ее стоимость составила 3 миллиарда долларов. В значении многих стран туризм занимает сейчас одно из ведущих мест.

Почему же мы — страна величайших памятников культуры — так досадно отстаем в развитии туризма и реализации его экономических возможностей? У нас есть целые города-музеи: Новгород, Ностржа, Псков, Углич, Загорск, Суздаль, Ростов Великий, Талин, Вильнюс, Хива, Солычегорск, Великий Устюг, Торжок, Старая Ладога, Нарва, Изборск. У нас есть и промышленные города, богатые памятниками искусства: Москва, Ленинград, Киев, Муром, Вологда, Владимир и другие. Кроме того, есть у нас и известные во всем мире Ферапонтов монастырь, Кижи, Переславль-Залесский, Соколицы и Носифо-Волоколамский архитектурные ансамбли, замки Литвы, Латвии и Эстонии,

самое дело, помимо узургой силы ритма, поэзию Маяковского характеризует сложная богатая структура, где утнуто значение всех гласных и согласных не только в графическом изображении, но и в голосовом звучании. Вот строки стихотворения Т. Томашевский, известный пушкинист, знаток классической поэзии, считает даже что в отношении рифмы Маяковский изысканнее классиков.

Такие рифмы, как «вырвася — трезвость», «нацелась — Венесуэла», «взвесь — выстрел», «вспомни — запомни» сами собой, держат в памяти знающие сточки. А эту задачу и выполняет поэт, для этого ему и нужна рифма.

Значит, создать словарь рифм, который вмещал бы в себя «все созвучия языка», — невозможная и неумная задача и почетный профессор-поэт заблудался!

В рифмичка Маяковского и многих других советских поэтов и поэток, а также и гадание рифмы происходит за счет впадения в поэтический язык новых слов — от новых научных терминов до новых маргинальных словечек, так, что, еще ващие, за счет новых смелых рифмовок, основанных на ассонансе и консонансе (схожих созвучиях).

Всего этого, конечно, не сможет предсказать даже самый полный рифмовник. Значит, словарь рифм не нужен!

Итак, нуле! И даже устаревший словарь Н. Абрамова давно ставший библиографической редкостью, было бы полезно переиздать. Конечно, словарь рифм никому не поможет стать поэтом, так же как и ни один из облегчит работу настоящего поэта.

Но заглянув в такой словарь будет полезно как полезно, например, заглянуть в «Толковый словарь» Даля в особенности начинающим поэтам. Для них он нужен, пожалуй, так же, как хороший учебник шахматной игры начинающему шахматисту. Их он избавит от «отрицания» уже открытой «работы», то есть давно опробованных рифм. Ну вот такой словарь и исследователями литературы, в особенности словарники рифм поэтов-классиков — Пушкина, Лермонтова и других. Наконец, нуле словарь рифм и тем, кто не претендует на поэтические лавры, — участником самодеятельности, составляемая «капустниками» и др. что называется «рифмолетом», которых профессор грозили уничтожить. Наконец, нуле словарь рифм ее не решает.

НА СПЕЦИАЛЬНОЙ ЭСТРЕДЕ

Страдала студия МГУ «Наш дом» покаянием своей милой спентакля-гротеск в одном действии Марка Розовского (он же и режиссер спектакля) «Шоу-театр как проклятый». Гротеск сатирический, гротеск антиэстетический.

С этого спектакля уходящий вчерашним.

Часто бывает иначе: смотришь сатирическую комедию в театре, очень понравилась, понравилась, или сидишь в эстрадном концерте, где ему, этому шоу-менству, тоже понравилась, — все понавмашь, смешешься, если смешишь. Но при этом размышляешь на твоих глазах, ничего общего не с тобой, ни в твоими взглядами не имеешь ничего внешнего сходства. Есть осмеяние, но нет обобщения. И не возникает вот что драгоценное чувство тревоги за себя, за людей, за жизнь, за будущее общества — тревоги, с которой мышь тогда спентакля студенческой эстрады.

Высокой наградой авторам спектакля должны быть, по-моему, слова, сказанные на одном из его обсуждений: «И задумайтесь, сейчас а может быть, мендация есть и во мне!» Сказал это молодой парень очень симпатичный и совсем на мендацию не похожий. Тем дороже были эти слова, значит, спектакль не только борется, но и предупреждает об опасности. А наконец, нам нужно видеть своевременный сигнал: беремись!

часто еще удается признать это убоевание стандартными рассуждениями о модной тенденции модных проблемах — здесь, в театре, это не пройдет, здесь он за этим не спречется. С мендацией же не церемонятся. Его болят упорно и умелого даже и за человека-то не считают — в впечатлении в программе обобщения и зрителем его называют машиннооперационным, машиннообразным и предупреждают: это не люди, это машины! И одновременно понавмашь, как опасна эта человекообразность, как легко ошибиться и прийти модой на настоящего человека. У него все все как у всех — есть и жестокости, и отчаяние, и даже мечты. И если у него погуб на войне, прочтем, нет, слы, а дочь, муж, кто войт — слы, слы, створит — дочь. Так в жизни не бывает! Да, но бы-народа, первая размышления скотина не забудет танго. Нужна была и смелость, и невинность, и ярость опечаленного, чтобы решить, а такой мир, чтобы через нереальное понавмашь реальность — бездуховность и равнодушие мендация. (Вспомним, что великий реалист и великий гитарист Салтанов Щерба дал одному градоначальнику фаршированную голубику в другом, а не в мендацию.) Смелость — один из признаков таланта, спентакля студия «Наш дом» сделала талантливыми людьми.

Они помечают мендацию под условительные ступки МГУ, ступки мигают в луче прожектора в поле зрения и вместе с тем посведевшие, всматриваются, замечают, и научитесь распознавать. И тут же дают оценку, и даже решают, а такой мир, может, так вот о чем? А о «Голубом голубе» — чтобы все искусство, все культура, все жизнь, все человечество, во были такими же бездуховными и индифферентными, как индифферентным в голубом окошке телевизора. Они мечтают об этом с упоением, как индифферентно ступки МГУ, ступки мигают, и им уже знаем, что им хочется не так, а так, и так, что надо мыслить из нашей жизни.

Финал спектакля остроумен и точен, и так пришел в гости, оставшись, хохлаев уходит, у них же все одиозно, и завидно, и дурно, и мыслит, различий они не замечают. Это

присуда большая свобода рифмовки. Поэт начал XX века смело рифмует: пелен — светел, слышен — дышит, что никогда не допустит бы поэт начала XIX века. Поэт XIX века рифмовал бы небеса — чудеса, поэт XX века рифмует просто и неожиданно: небеса — налсалас (Маяковский).

Говорю о поэтическом новаторстве, мы обычно вспоминаем имена Маяковского, Рилье и Хлебникова.

Любопытно, что у Хлебникова «скупые» для поэтов при всей необычности его поэзии рифмы весьма простые. Его новаторские строки связаны отнюдь не новаторскими рифмами. Например, известное:

И той полет вступил всегда
Повторит поэзия нас спустя.
И время громоного суда
Узнают истинны купцы.

(«Глаголдар».)

(«Всегда — суда», «скупые» — «купцы» обычные рифмы.) Иное у Маяковского:

А из-за Николаевского
чужого моста, как смерт
глядит несласковал
Авроры башен сталь.

(«Хорошо».)

Здесь обе рифмы не обычные: «неласковал» — «сласковал», эти два слова совпадают ритму гласных и согласных. Таких совпадений называют ассонансом. «Мост — сталь» — ни один поэт прошлого не назвал бы рифмой.

Две это примера достаточно, чтобы показать, как различно, казалось бы, узкие границы рифмы. До сих пор еще существует предубеждение, что Маяковский объединяет рифму и чужды ли не свел ее нулю. Но

Александр ИВАНОВ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПОЗА

Аве, выход единственный в мире!

А это генеральное: в — в — в.

В жизни ли, амень ли, Бозу ли.

А если нет в мадерное мардерное?

Пес за вайце.

Пав по псу!

А вези, Оси!

По залпысу.

А Ренессанс, холево, фатально не

А поворот налево — не левый

Кис — писи. Рифма — Дионисий.

На фига ж тогда.

А если писи — это по бюссентисе!

А ЕСЛИ ПИСИ — ЭТО КОМБИНАЦИЯ

ДИОНИСКОСЛОТ.

Питая, так.

Изобретая биоисполнение.

Ито? Кто? Мус?

А вези, Оси!

А если так, то я воевую

АНТИВОЗНЕСЕНСКИЙ

И слыше.

Спасение читающих — дело рук

МОЖЕТ, ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ПОЗАН

ПОЭТИЧЕСКОЕ

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Аве, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова
ни за, Оси, Нова

Вот они сидят за столом — муж и жена. Сидят долго и неподвижно, смотрят в зал, на нас с какой-то бездумной тоской. Это тоска стандартных людей, инуюшка стандартной жизнью, — у них все, как у всех им подобиных работа, еда, разговоры, увлечения, мысли и надежды. Приходит это время этих же, и все четверо одет, танцую, разговаривают. О чем разговаривают?

О том, что вот черпак по мени не думает, а у него про думало — значит, я выше черпая.

О том, кто с кем живет.

О том, что будет реформа.

О том, что в театре «Современник» спентаксе «Голый король» король совершенно голый, совсем без ничего, мне спавала знакомая, и я целый вечер ждала этого момента, чтобы все точно рассматривать.

О том, что вы пришли и как в гости и будете у нас есть, а когда придет и как в гости, мы у нас будем есть.

О том, что хорошо бы завтра была суббота, и послезавтра, и послепослезавтра, и каждый день хорошо бы было суббота.

Неловые разговоры, неловая жизнь. Они почти как в жизни, эти разговоры, ни в чем, они как будто совсем незнано, чуть-чуть обобщены, но в чем-то с женой.

Стойкой ясностью обнаруживают весь диапазон бытия современного мендация, все его убоевание. В жизни это

одна неловость, обнимающая реальность. Это не смешной спентакль. Это не мрачный. Предостерегающий. Но не юмор. Это мрачный гротеск. Это не жизнь — и чуткою смешено, и в другом ракурсе.

Сегодня в нашем эстрадном искусстве — и любительском и профессиональном — не хватает духа и души. Это, как правило, пародия, карикатура. Это труднее, если талантливый талантливый, иногда великолепный — как у Райкина, Митрополь, Белова. Эти мы стараемся не видеть, не слышать, чтобы не создавать символ из карикатуры или чтобы не создавать символ из сатиры, обмануть существо через форму.

Студия «Наш дом» сознательно и целенаправленно делает духа и души — прямо к существу явления. Это труднее, если талантливый талантливый может малоинтересный текст или уже известного персонажа. Эти мы стараемся не видеть, не слышать, чтобы не создавать символ из сатиры, обмануть существо через форму.

Во всем этом мы и встречаемся на спентаксе студии МГУ «Наш дом» первого. Мы — странный дом до сегодняшней премьеры — «Шелк вечер на тридцать девять».

Интерес в работе этого коллектива не ослабевает.

Ю. СМЕЛКОВ

КОБО АБЭ

Перевод с японского
С. БЕРЕЖКОВА

ЧЕТВЕРТЫМ ЛЕЛНИКОВЫМ ПЕРИОД

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

17

Для возвращения домой лаборатория предоставила нам свою машину, и шофер из осторожности молчал. Мне нужно было сказать Ерику одну-единственную вещь, прочих же разговоров с меня было предостаточно. Ерик, кажется, тоже был утомлен и не раскрывая рта. Незаметно я заснул. Меня разбудили уже возле дома. Болела голова.

— Завтра я буду спать до полуночи.

— Завтра? Уже четвертый час.

Ерик со слабой улыбкой машет мне в окно рукой. Я отвечаю ему кивком и вваливаюсь в дом. Я едва держусь на ногах. Меня встречает меня наменным молчанием, но даже это на меня не

Продолжение. Начало см. №№ 1—4.

— А ведь убийцей оказался ты, Ерик! — крикнул я старческим визгливым голосом, испугавшим меня самого.

— Где ты вчера был?
— Работал.
— Тебя там долго не было, я стала волноваться и позвонила в лабораторию.
— Я работал в другом месте! — Я почувствовал раздражение и обилился на себя за то, что раздражало. Но мне почему-то показалось, будто стинне у меня есть право на злость. И когда я решил разозлиться по-настоящему, зашелел телефон. Я облегченно перевел дух.

Звонили из газеты. «МОСКВА-2» предсказала активизацию вулканической цепи на дне Тихого океана, и Советский Союз, стремясь выиграть военную гонимую связь этого явления в последнее время, предлагает сотрудничество заинтересованным организациям Японии. Газета спрашивала меня, примет ли это предложение лаборатория машин-предсказателей при ЦНИИСТ.

Я ответил, что ничего сказать не могу, поскольку вся информация для прессы дается теперь исключительно через комиссию по программированию в Статистическом управлении. Чувство стыда, которое я всегда испытываю при подробных разговорах, с новой силой и совершенно особенным значением охватило меня.

За окном, меняя очертания, медленно тает снег пугающее круглое облачко. Под ним — ветка с листьями, крыша соседнего дома, двор. Еще вчера и верил в прочность своего ощущения непрерывности этого повседневного бытия. А теперь не верю. Если то, что я видел прошлой ночью, есть реальность, значит, мое ощущение повседневного меня обманывает. Все вывернулось наизуанну, мир будет непрерывно становиться все более спонорным, все более прозрачным, прозрачным, как горный хрусталь.

Было много. Или, может быть, слово «познать» означает в действительности не «увидеть» порядок и закономерность, а «обнаружить хаос».

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

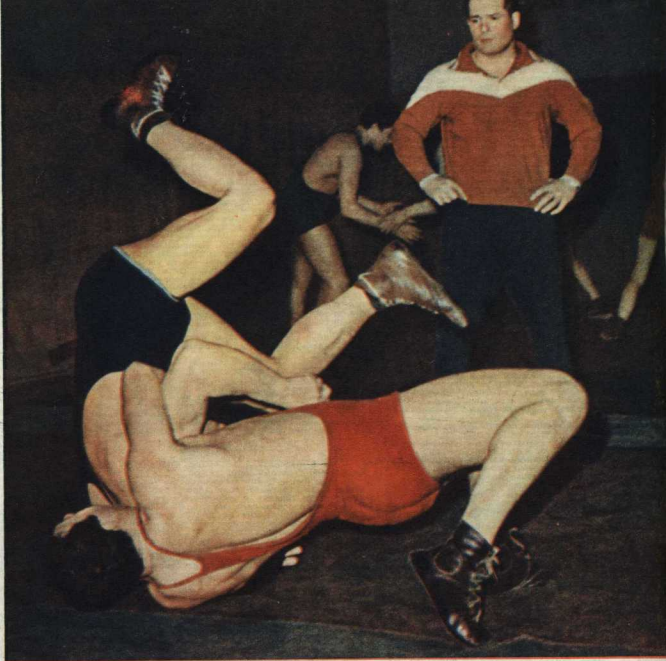

Фото В. ТЮКЕЛА

Владимир Пашин

серьезные люди

Человека более влюбленного в спорт, чем Сергей Преображенский, пожалуй, трудно сыскать. Он был из того поколения, которое прямо со школьной скамьи уходило в 1941 году на фронт. Воевал автоматчиком, был ранен, после демобилизации с гололкой ушел в учебник, восстанавливая в памяти забытое, потом — институт, диплом инженера. Пришло время — он полюбил, женился. Вечерами, когда жена, солистка филармонии, была занята на концертах, успешно справлялся с обязанностями заботливого папы, но спать... Трудно даже понять, как успевал он и работать, и выбираться на охоту с отцом, доцентом института лесного хозяйства, и ватаскивать собаку, и слушать певчих птиц, и спорить с западными рыбаками... И ко всему этому шесть мастерских нормативов по различным видам спорта выполнил Сергей Преображенский! Гребца, спаниста, стрелка и, если так можно выразиться, полый кавалер борьбы трех степеней — кадетской, вольной, симбо.

Был Сергей Преображенский в Ленинграде и участником соревнований и тренером, и вообще вокруг него вертелась вся вольная борьба в этом городе и, как это ни печально, совсем перестала вертеться, едва он уехал. Уехал же он в Москву

тренером Центрального спортивного клуба армии и был привлечен к подготовке сборной команд страны.

В том же 1956 году, когда Сергей Преображенский оставил ковер и стал тренером, на борцовском небосклоне загорелись две яркие звезды: турецкая — Хамид Капаан и немецкая — Вильфред Дитрих. Капаан стал чемпионом XVI Олимпийских игр по вольной борьбе. Дитрих завоевал олимпийское серебро в классике. Он победил всех соперников, в том числе и Капаана, и уступил только нашему богатырю Анатолию Парфенову. А очень скоро, в мае 1957 года, все трое: Преображенский, Капаан и Дитрих — встретились в Стамбуле на чемпионате мира по вольной борьбе. Капаан и Дитрих боролись. Первый зюппа завоевал золото, второй снова был вторым. Преображенский приехал в Стамбул тренером и после соревнования сказал:

— Вот их-то и надо обойти.

— Это не так-то просто, Сергей, — сказали ему, — они хорошие. Кто из наших с ними справится! («Хороший» — это с давних времен высшая оценка атлету в устах наших борцов.)

— Найдется такой, — ответил Преображенский. — Есть один паренек...

Есть один паренек — это любимые слова заслуженного тренера СССР Сергея Андреевича Преображенского. Правда, «паренек» — косяк сажень в плечах, и оказавшись среди них, несомненно начинаешь оглаживаться: «Мама родная, да куда ж и пошла!» Но, удивительное дело, во многом они похожи друг на друга: страшно занятые, вечно куда-то спешащие и не то чтобы скромные, а застенчивые, как красивые девушки. Вы можете день проходить, например, с Тошей Албулом и слова от него не услышите. Он никогда не садет в присутствии старших, пока его не пригласят. Этот умный и сильный паренек — тихоня из тихонь. Однако, когда на Неве томят человека и томят на берегу с криком «Спасайте!» искала крути и мизинчик, этот тихоня перелетит через гранитный парапет в воду и спас человека. На спортивном ковре он сам черт, и даже страшно становится за кости его противника. Это один паренек Сергея Преображенского.

А вот другой — Саша Иванцки. В роговых очках, с большим, туго набитым портфелем, он осторожно пробрается по улице, стараясь не задеть прохожих. Вслед ему оборачиваются: очень уж видный молодой человек и, наверно, умный.

Очень серьезно Саши. На тренинги, на рекламные кино не привлекают его внимания. Он, кажется, и девушек не замечает. У него это даже! Утром заходит в институт физкультуры, делая разминку в борцовском зале. Потом идет с Сергеем Андрияшечем, в семье которого он жил на правах сына, затеметь уборку по дому, потом будет ковыряться в машине, а когда Сергей Андрияшечев пойдет встречать жену с концерта, Саша сидит за лампой.

— Так Сергей Андрияшеч, зачем мне это дневник? Я и так все помню!
— Тебе еще и помнить ничего. Ты молчи, Саша. Пниши, чтобы научиться четко излагать свои мысли.

Доводела сидит за письменным столом юноша. Словари — рядом. Грамматических ошибок Сергей Андрияшеч не прощает. Так уже два дня в день. Телевизор, кино, театр — это уже праздник. Спартакские вечера в институте физкультуры. Делать разминку в борцовском зале. Потом идет с Сергеем Андрияшечем, в семье которого он жил на правах сына, затеметь уборку по дому, потом будет ковыряться в машине, а когда Сергей Андрияшечев пойдет встречать жену с концерта, Саша сидит за лампой.

Доводела сидит за письменным столом юноша. Словари — рядом. Грамматических ошибок Сергей Андрияшеч не прощает. Так уже два дня в день. Телевизор, кино, театр — это уже праздник. Спартакские вечера в институте физкультуры. Делать разминку в борцовском зале. Потом идет с Сергеем Андрияшечем, в семье которого он жил на правах сына, затеметь уборку по дому, потом будет ковыряться в машине, а когда Сергей Андрияшечев пойдет встречать жену с концерта, Саша сидит за лампой.

Потом все еще Сергей Андрияшеч будет ходить мушкетером, морщиться, будучи у него болят зубы, вздыхать: «Ах, черт возьми, опять совралось...»
...Вечером будет на Душе и у Сашки. Вечером молча сидит у телевизора, и вдруг в самый неожиданный момент Преображенский резко повернется и спросит:
— Ты скандал, где твои звезды! Где! Но почему ты так себя ведешь, как человек, и вот... Ответ наконец: будете ты злым!
— Буау, Сергей Андрияшеч.
— Буау, буау... Так буау! Пора уже! Беда с тобой.

А вазыгры институту, тренировку, вечерние разговоры за столом о театре, литературе — потом Сергей Андрияшеч улетачает и начнет рассказывать о повадках зверушек или о птичках, и будет вахнеть в комнате русским лесом...

Нет, никак не будет Саша злым.

...В 1962 году Сергей Андрияшеч Преображенский делал свои «добрые», Александр Иванович вышел на ковер чемпиона мира в Токио.

ожет быть, вам приходилось видеть яструду в полете. Грозный хищник. Но за короткое время он делает ход. Но его нет. Грознейший, подперев голову руками, весь ушел в себя.

Казалось бы, у зачем сейчас зря время тратится? Это потому, когда переносится на доску фигуру, гурько рассуждают, как нужно начинать. Другой атомик пенку, и пусть себе голову ломает пропятик. Нет, и первый ход, микротакто обдуманный, слова и слова проверяет опытный шахматист, стараясь найти возникну, высказать что-то неожиданное.

Иванчик на ковре — тот же грознейший. Он не повторяет начало партии, то верно свихнул, многократно. Он очень уверенно действует в стойке и может сразу же применить подсечку или захват ноги противника. Но он же умеет, надобно думать, турецкие борцы, стремительно нырнуть в ноги и мгновенно выпрямившись, сбросить со своей мощной спины ослепленного соперника. Иванчик — тот тип «воляника», который летит назад, казалась была теоретически возможным вывалом борца, но за короткое время он встречался. Почему? В стойке, что если хочешь научиться бороться в тотую так, как борются, например, грузинские атлеты, то нужно еще с детства звать «чидбуло» — грузинскую инициальную форму борьбы с ее подосновой подсечки, обволакивания и захватами ног. Потому, что если

поставля себе цель «проходить в ноги» столь же стремительно, как это делают турки, и звать все складываться и «кваларий», как вesso излагают наши борцы один из мощных переворотов в партере, то нужно в совершенстве изучить приемы армянской борьбы «колх», азербайджанского «теледла» и многое другое. Все это сразу не дается. Нужно много — тогда вы Ардрешев, Ардрешеве выживаете «никогда не подози» в спорте непременно. Но даже изучить и отработать каждый прием в отдельности сложно. Их суммарное количество — это лишь бокомлет, который сам по себе победы не принесет. Нужно звать, когда дается «глаз», когда необходимо стремительный бросок, а еще...

Вы помните, как голтовская Агафия Тихоновна «вычисляла» для себя «идеальный» жестик: «Если бы губы Иванчика и Ванюшка делались как носы Билыа Тихоновна, да звать сколько-нибудь разностины, какая у Балгавара Балгаваровича, да пожалуй, прибавить к этому еще дородность Ивана Павловича, — я бы тогда тотчас же рехнулась. Если к приемам одного борца да приложить стучать второго, да звать несколько из быстрых третьего, — ничего не получится. Нужно искать взаимосвязи в действиях, органически связать их, чтобы одно вытекало из другого, и вот тогда-то появится свой стиль, родится самостоятельный, непохожий на других атлет».

Среди маленьких, легких борцов такие разносторонние мастера хоть не часто, но все же стали появляться. Это Алл Аллев и Владимир Рубанович, у ирчане — Хлабиби, у турок — Дагистаным. Но впродолжении существования Такого спортивный мир еще не знал.

Недаром, однако, тренером Иванчика было не только человек большой души, но и умный, пытливым, сам превосходящий борца, знающий борьбу во всех тонкостях. Многие часы провел он на ковре со своим воспитанником.

— Саша, ты должен выиграться! Ты сильнее. Ну, давай!

Амид Каплан — очень сильный и хитрый боец. Если он почувствует усталость, а противник еще свеж, то начнет тинуть такую волюнку, что только дугой днешнее; как это делать, он знает. Но неохотно выходит на ковер. Но накаленик съедет. То шунок разжелезает. То бретьялка борцовки повернет. То он морщится, будто его ударили в живот, то и вовсе лежит на краю ковра, и ему делают искусственное дыхание.

Саватка превращается в иштку для противника. Он врется в бой, он чуть было не взда на прием Каплана... А Каплан садится на ковер и бинтует ногу. Через минуту он опять сидит — и только что потопать трико не приемлет. А турецкие тренеры с вытаращенными глазами, всклокоченными волосами, как на пожаре, будут метаться возле ковра, оглашая за горестными воплями:

— Ахия, Хамид Азия, азия...

Нужно иметь верны из стальных канатов, чтобы стоять в своем углу ковра и невозмутимо смотреть на это цирковое представление. А зря! Сильно нехале. Нужно держать ухо востро! Битны — это бутфитеры. Развазынавший шунок — это тайнчик. Тот, кто сбивает, — это захватчик. И захватчик по на миг — гибкий, ловкий, поджарый Каплан, у которого, пожалуй, только боольшая голова от тяжеловеса, а сам он строен и легок как среднее, бомбовый взлетит в ноги и будет взрывом равновесия.

Но в встрече с Иванчиком Каплану время тинуть не пришлось. Как говорят борцы, он «попелте» сразу же, получив молниеносный мат в три хода: подложка, подхват, переворот с броском. Капала лежал на спине, Иванчик стоял над ним, как была была «айея» не было, алмадишенто тоже. Никто не понал, что произошло, никто не верил, что игра уже сделана и можно гасить лампы. И только тогда вспыхнула ошадня в зале, когда богатырь в красном трико вздур подожереть, как мальчишка, и, поймав, что он все-таки не перышко, бросился в объятия к человеку в тренировочном костюме, стлавшему радост с ковром.

Потом был и Дитрий, ягрий представитель старшего поколения, но он стоял в стороне, наблюдая за приемами. Однако вряд ли нужно пересказывать в свое время опубликованные прессы репортажи из Токио. Иванчик стал чемпионом мира. Это же звание он завоевал и в следующем, 1963 году, когда в борьбе с очень трудным соперником был вынужден на ковре чемпиона мира.

Конечно, его знали, он участвовал во многих международных соревнованиях... Но одно дело — завоевание чемпионства, другое — чемпионат мира. Здесь каждый борется до отставки «на потом». И все же средств к обороне против Иванчика не нашлось и в 1963 году.

...Вступила 1964 год. Олимпиада. Но до выхода на олимпийский ковер перед Иванчиком стояла еще одна серьезная задача: завоевание чемпионства в стране, куда он еще ни разу не удавалось. Парадокс! Нет, среди советских борцов, чемпионов Олимпийских игр и мира, он не один такой. В СССР много первоклассных атлетов, и во время встреч на первоклассных соревнованиях, а также в спартакиадах и других турнирах соперники, ставшие известными. Тут во многом решает жребий: с кем встретиться в начале соревнований, наберешь ли штрафные очки сразу же, после трудных побед по баллам, или дождешься с трудом до самых сильных соперников. Есть у Саша Иванчика друг — тоже Саша. Только фамилия его — Медведь. На чемпионате мира Медведь в последние годы выступал в полулегком весе и дважды завоевывал золотые медали, у себя дома — в тяжелом. Москва была местом всех встреч, добившись выдающегося преимущества. Началась борьба не просто за победу — за скорость победы, за темповую борьбу.

Попытке «скоростная выносливость» давню вошло в методологию атлетки. Теперь оно на вооружении наших борцов: Медведь и его тренера Григорьев, Иванчика и его тренера Преображенского и, разумеется, борцов-классиков, прежде всего олимпийского чемпиона Антония Колесова.

Саша была многообещающей привлекательной скоростью — вот что выделяло его, как следствие, гарантировало победу. В 1964 году Иванчик становится чемпионом страны. Осталась еще одна невзгода высылка — олимпийская.

Обратившись к техническому протоколу, можно без труда проследить, кого и на какой минуте победила Иванчик в Токио. Однако, пожалуй, тевер это не самое главное — кого, когда он был вынужден и побеждал чемпионов, это было сенсацией. Тем, кто был чемпионом, и решающую роль играл характер его действия на ковре: стьял атака, если угодно, — красота и достоинство победы. Разве мы не знаем случаев, когда именитые мастера не атакуют, а отбиваются, стремясь любой ценой не проиграть?

Иванчик боролся так, как всегда: честно, мужественно, красиво. Его олимпийское золото — высшей прояби.

...Вот занятой человек Саша Иванчик. Даже невозможно представить его в седьмой компании беззаботных парней или сидящим на укромной скамейке булыара под сенью тени легкой джелейной профессы, очей, ширинкой и мягко спящего человека. Но однажды Саша в метро. На остановке из вагона вышла девушка. Аверт уже закрывался, когда какая-то невдомая сила подтолкнула Сашку. Створки двери разомкнулись, и Саша шагнул вперед.

— Разрешите с вами познакомиться. Вы... мне очень нравитесь!

Это доподлинные слова. Они так звучат, утратив свою секретность, потому что был Аляв, когда Саша — Аляв, делаясь профессору, очей, ширинкой и мягко спящего человека? Вот чертенок, а! И мне сперва ничего не говорила. Только вижу, что какой-то не он такой. Радуальная ошадня, и доходит все до него, зерно зерно. А теперь — нет, пожалуйста. Ну, ничего, очень хорошая девушка. В общем, я даже рад.

Так может сказать только любящий, родной человек. Отцом Саша Сергея Андрияшеча, конечно, не называет. Он и сам молчал — ему 41 год, а Саша — ему 27 лет, отец семейства, Александр Владимирович.

Но, знаете, Александр Владимирович, по-моему, как-то не звучит. Уж лучше так, как в спортивном зале — Александр Иванович, олимпийский чемпион! Тренер — Сергей Преображенский.

14 апреля 1944 года уважавший жителя города Бомбея Д. К. Мотгила спасался от погупенной жары на веранде своего дома. В 4 часа 7 минут он услышал умопомрачительный грохот, и с него, пробив стеновую крышу веранды, упал на кофеевый столик полновесный золотой брусок. Не успев пораженный Мотгила возбудовать небо за циндальный поддон, как его заволокли клубы черного дыма. Бомбей горел.

За двадцать лет, истекших того трагического дня, жители Бомбея не раз находили в самых неожиданных местах, но, как правило, в радиусе полутора километров от гавани золотые брусочки. Один брусок был обнаружен, правда, в 700 километрах от Бомбея, в Тиручираппали, но эта находка была отнесена к разряду совершенно необычайных фактов. В прошлом году брусков, оцененных в 11 тысяч фунтов стерлингов, был найден в новех стародавней зарывшейся землетрясениями. Золотой брусок провалился над Бомбеем, был заключен до 14 апреля в тиручираппали, в распоряжении английской полиции «Форт Стинни». Рядом с ящиком из мешков с сары, бочками масла и смолы, кипами хлопка и тысячами четырехместными тоннами взвешивались в стальной контейнере находившиеся сто пятидесяти пять брусков чистого золота общей в 2 миллиона фунтов стерлингов — собственности Английского банка.

Стержни масел на фашине порта показывали 13.30 пополуночи, когда Бригады грузчиков Москва Таня спустился во второй трюм парохода и обнаружил, что

он наполнен дымом. Это сообщение не очень возмущало офицеров суан. Они были уверены, что судовые помпы смогут справиться с пожаром. Но они не справились. Через час в порт прибыли вызванные по тревоге две пожарные машины. Служащие о — с дорником трюмов, не на шутку нагнанные пожарники вызвали на пароходе еще восемь машин.

Однако потоки дыма, обрушивавшиеся в трюм, не смогли погасить пожар. Огонь провалился по гавани. Тонны воды во втором трюме вызвали взрыв «Форт Стинни», и тлеющие кипы хлопка полили и тому месту, где хранились взрывчатка. Наверное об этом не догадывались пассажиры, в продолжал борьбу с огнем. Неожиданно цвет пламени изменился, огонь приобрел желтовато-коричневый оттенок. Это могло означать только одно: загорелась взрывчатка. Раздался оглушительный взрыв, Сайсгог

ЧЕРНЫЙ ПРИЗРАК С ЧЕРНОГО ОЗЕРА

Похолодело сердце при этом известии и у господина Франца, весьма известного человека определенных кругах Федеративной Республики Германия и Австрии. Он главный редактор австрийского политического еженедельника «Ди Фурке», рупора самой мажорной реакции. Сегодняшняя фиксационная господин Франца характеризует его горькой дружбой со Штраусом и К. Но его прошлое до сих пор выглядело почти безупречным. Нейтральный философ, эссеист, тихий музейный работник во времена гитлеровского режима. Много ли найдется среди ренессансистов людей, не состоявших в списках военных преступников? Тания наперечет. «Незамаранному» доктору Францо доверили звание гласнатора ревизионизма. И он старался восток.

В вешках, подбитых со дня Черного озера, много документов: списки, выписки ведомости, доклады записки, письма. Не единоразы встречается в них имя и фамилия Замля Франца. За последние годы расширяют вновь найденные документы биографии этого «тихого музейного работника», ныне редактора австрийского журнала, в прошлом осведомителя, наводчика, палача чехословацкого народа.

Трехднем были сентябрьские дни золотой осени 1938 года в Праге. Перед лицом открытого англо-франко-американского давления правительство Франца-Бенеша решило уступить. Сребованиям Франции и отдал ей Судетскую область. Узнав об этом предательском решении, жители Праги, Брно, Пльзена и других городов Чехословакия вышли на улицы и три дня давали отпор притязаниям германских фашистов.

В эти сумятные дни в Праге заметно оживилась деятельность гитлеровской «пятной организации»

Замаскированные гестаповские лазутчики, явные и тайные члены судетско-немецкой партии Конрада Гейнля, журналисты из редакции немецких газет, редакторский бредом статьи. В письме, к Конраду Гейнлю от 2 апреля 1938 года Пфитцнер характеризует Франца как «чужого из надежных людей из числа тех, называемых немецкой социальной демократией — членами, которого твердо можно считать нашими, то есть национал-социалистами». Один из главарей нацистского подполья в Праге решает поручить Францо весьма ответственные составление списков активных антифашистов.

Оставшись с Францем с глазу на глаз после одного из заседаний нацистского подполья, Пфитцнер сказал ему: «В эти исторические дни Замля, должны возглавить немецкое общество «Ураниа». Присматривайтесь к людям, составляют списки коммунистов и их союзников. Будьте на учет и тех, кто в случае военных действий на территории Праги может помочь нам. Но при этом старайтесь, Франц, глубоко запрятать».

Из репортажа чехословацкого журналиста Йозефа Голлера «Шуаасские тайны» («Смена» № 1, 1965 год) наши читатели уже знают, что на дне лавочного Черного озера в шумных лесах были обнаружены документы из архива гестапо. Знают они и о том, что известие об этой находке вызвало переполох среди не поиманных за руку нацистских преступников, с нетерпением ожидающих принятия властями БРЧ неправомерного закона об отмене наказания за преступления, совершенные во время второй мировой войны.

рафы обсерватории Симье в преграды. Гигантская заребристая землетрясения подняла дымовоздушную вулкан в высоту километра, подняв в воздух и затем обрушив на город, что было «Форт Стинкина». Стоявший недалеко пароход «Дипломат» возмещением в пять тысяч тонн был разбит на четыре крупных осколка. Деревянный пароход, идущий на запад, вблизи дома, вспыхнул, как стог сена. Человеческие жертвы не считались. Бомбежка катастрофа была столь выгодна блоку фашистских государств, что сразу возникло подозрение в наличии во взрывчатке расследование причин пожара не дало никаких результатов. По отчету свидетелей погибла. Удалось лишь обнаружить, что Рой Хейворд, офицер английского судна «Берд», видел в 12 часов 30 минут наем из вентилятора «Форт Стинкина» вырвавшееся небольшое белое облачко. Он не придал ему значения.

Причина гибели «Форт Стинкина», по-видимому, как всегда остается тайной. Во всяком случае, ни японская, ни германская разведка не признали во всем пор организации катастрофы, и только во время войны человек, считался бы величайшей диверсии второй мировой войны.

Но хоть виновных и нет, вина очевидна. Пренебрегая безопасностью — такое обвинение предъявил бы любой суд по этому делу. Кажется бы, трагическая судьба Бомбу должна была послужить суровым уроком. Уж кому-кому, но не английскому Адмиралтейству следовало забывать об угрозе, кото-

рую таит тоном зрелищности в корабельных трюмах. А между тем буквально через несколько месяцев произошла беспечность была провалена вновь. Ее последствия могут оказаться еще более трагическими. Могут...

На этот раз, по свидетельству английской печати, чудотворный взрыв может повториться в районе портов Великобритании. В пятидесяти милях от Лондона и двух милях от города Ширресс в устье реки Торчел из воды вышли полузатопленного судна. Суда часто прижимают на лодках туристы, многие из них, вооружившись авиалайнером, совершают полевые прогулки. Ни они, ни лодки Ширресса долгое время не подозревали о том, что находится в трюмах погибшего корабля. Тем же, кто знал об этом, и в первую очередь чиновники Адмиралтейства, по-видимому, вовсе не беспокоил тот факт, что каждую минуту может произойти еще не виданный взрыв.

В августе 1944 года американское судно типа «Линбергер» «Ричард Монтгомери» пересекло Атлантический океан. Оно везло на борту авиационно-воздушными частями США, вооружения в Нормандине, грузом бомб. По невыясненным причинам корабль изменил курс и вошел в устье Темзы. Он бросил якорь недалеко от песчаной отмели Норе Сандз. Команда, кроме первого помощника, съехала на берег, а бригада доверчиво приступила и разгрузила ящики. Десять из четырех трюмов были уже разгружены, когда с судна было обнаружено взрывчатое вещество. Все, что был на бор-

ту, покинул судно, не позаботившись задвигать люки в трюмах. Брошенное судно стало легкой добычей восточного шторма. Его выбросило на отмель, где оно затонуло, перемаленное почтой попало. В трюмах «Ричарда Монтгомери» остались лежать груз бомб весом в 3 700 тонн.

Ни американские, ни английские военные власти не заинтересовались судьбой «Ричарда Монтгомери». Лишь в апреле 1945 года в Ширрессе пришел представитель американской фирмы «Филиппс Крафт энд Фишер». Он сплавил на лодке и весту крушения и отнес в США их сообщив никому о результатах своей инспекции.

Попытки местных властей высчитать размеры угрожа-

ющей городу опасности не дали результатов. В Адмиралтействе ответили, что если, связанный с вытрезвленной и уничтожением бомб, больше, чем риск достояния омидина: рано или поздно ледник, мол, окончательно тает.

На последний увы в 1962 году через американский военно-морской штаб в Лондоне запрос в Пентагон пришел от одного из корабельщиков, что «Ричард Монтгомери» должен поднят в обращение в том в апреле 1948 года и прован 28 апреля номинал Крафт энд Фишер. Запало крупный взрыв, но никто не решился заняться дальнейшим расследованием. В конце прошлого года группа обеспокоенных германцев решила пригласить для консультации крупного специалиста по минным работам А. Б. Хартин. Его заключение было недвусмысленным: взрыв может произойти в любой момент. Последствия взрыва будут катастрофичны. Целый район с населением в сорок тысяч человек будет сметен с лица земли. Разрушения и пожары охватят еще большую территорию. На территории 275 тысяч человек. В частности, будут уничтожены негоспитальные подразделения на островах Грей, причалы, портовые сооружения, Голланден, Вестинфельд, Шубуртессе, Рочестер, Чатаме, Гуллингсэме. Более точную оценку вероятности самовзрыва Хартин не смог дать, не знал состава взрывающихся смесей американских авиационных. Опасность особенно велика, если в эти смеси входят различные металлы, которые с течением времени разлагаются и выделяют газы. Этого газа не могут знать принцип взрыва, так как они сочинили, а не вывели и рассматривали в своем далеком и коррупе бомб и нагревали их.

Объявившая в печати заключение Хартин впервые привлекла внимание английской общественности и угрозе, которая долгие время таилась в тени, и потребовала от английских властей принятия немедленных мер по ликвидации возможной катастрофы. Но пока в устье Темзы и в Чатеме Ширрессе возмущены разглагольствованиями, как переживаются войны через матуш «Ричарда Монтгомери».

тать свои сыновние чувства и патриархаль. Путь никто из чехов не заподозрит вас, сочувствия и идей «Великой Германии».

Француз исковы вынул свой новый обязанности. Ровно в 9 часов утра он ушел сидеть в зеленое кресле за письменным столом на Кинеской улице, где помещалась «Уранина», и обрабатывал агентурные сведения из стенограмм и протоколов национал-социалистич. В толстой адресной книге появилось в день до полутора десятков фамилий с биографическими данными, со старыми и новыми адресами, с описанием внешних примет «друзей» и «врагов».

Вскоре тухлые списки были переданы Иозефу Пфитцнеру, который переадресовал их по назначению в Берлин, в управление гестапо. В конце октября 1939 года войска фашистской Германии вступили в Прагу. Эмиль Франциска встречал пронацистские войска с гордым выражением лица. Инструкцию Пфитцнера он выполнял с пунктуальной точностью.

В Праге были спровоцированы столкновения гитлеровских колонн с демонстрантами, требовавшими прекращения репрессий и освобождения из тюрем чешских политических-интеллигентов. Против беззрорных людей были брошены отряды полиции, эсэсовцы, регулярные войска.

Операции «униротворения» руководил сам Франц. «Германские» Француз сразу же попровальные события передал пражскому гестапо списки, которые были выделены чехам, «на территории» «готовили и сами участвовали» в этой «антифашистской» демонстрации.

Самыми чехами были растрелены и замучены в гестапо по доносу Франца.

Пришло Француз свою «гранную лапу» и к

расправе пражского гестапо с участниками антифашистской студенческой манифестации в Праге 7 ноября 1939 года, когда был убит герой чешской молодежи студент Ян Оpletал.

Услуги Франца были высоко оценены в Берлине. И оттуда дали знать канцлеру государственного секретари протектора Чехии и Моравии Франца, что «секретарь «Уранина» должен быть награжден особым вниманием и заботой. Назначили директором библиотеки пражского ивредического музея.

Франца старался показать сотрудникам-чехам, что он не занимается политикой и что единственной его страсть — наука. Видимо, по причине он взялся за описание хранилищ музейной библиотеки.

Одновременно «германский» философ вступает в ряды «бю роты» охранной полиции СД и вскоре получает чин оберфранциса.

В «черном архиве» имеется записка Франца доктору Гизе, датированная октябрем 1943 года. В ней он сообщает о своей принадлежности и охранники отрядом СД 15 августа 1941 года.

В доках и на улицах Праги хватало всех подозреваемых — помогали списки Франца. Часто он сам подвоярля охранникам к нужному дому и доводил их до конца «полноценности».

Не раз, преследуя отстреливавшихся патриотов, Француз шпигель в ход урону. В докнелках на имя доктора Гизе он подробно писал польскому расправу с известными в Чехословакии писателями, учеными, общественными деятелями —

Вн. Ванчурю, профессором Бансом, адвокатом Гуверном...

В его докнелках сообщаются цифры арестованных и расстрелянных в местах патриотов 20, 200, 80, 90...

Вальдемар нескрываемое удовольствие, видя, как передаются в руки правосудия противники «нового порядка». И считая для себя почетным участие в таинстве, которое в течение нескольких дней искоренения коммунизма в Восточной Европе — признавался Франца.

Дальнейший послушник главного редактора «Дн Фурке» выглядит так.

«Вот вы знаете, что я должен сделать, чтобы «выловить коммунистических протестующих и наказать их по всей строгости законов военного времени». Задача по уничтожению капитана Марочка каратели расстреляли 150 патриотов.

Штабтерский полковник, который в долгу 192 человек растрелено, 150 убито в концлагере. Вальдемар близится. В гестапо заматют следы. Ящичи с уничтоженными документами летят на дно Черного озера. А Франца, который в течение музейной работни — оказывается в Мюнхене. В Чехословакию он уже не вернется. Американская разведка решает в июне 1945 года освобождать Франца от «всех подозрений в отношении прошлой нацистской службы».

«Обер-вещатель» и матерый гестаповец был заключен на службу и новый хозяевам. Десятьдесят лет он лез вверх и высказывался в отношении в безнаказанности. А теперь он дремлет от страха. И не зря. Как и все остальные, Франца не опровергнуты. Приговор будет вынесен.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТЯГАЧ

Даже специалисты, знающие толк в механиках, недоверчиво смотрели на тягач «ЭТ-250» размером меньше письменного стола, который демонстрировался на ВДНХ. Уж слишком он влезал с его внешним видом мощь, таившаяся в электромоторах, — тягач мог перевозить грузы весом свыше двух тонн. Но после осмотра, тщательного расчленив, на двух небольших тележках разместили двухтонный груз. Ловко развернувшись, тягач зацепил тележку и, поворачивая от напряжения мотора, повез их в другой конец зала. Просто и удобно его управление. Электромотор питается от небольших аккумуляторных аккумуляторов, заключенных в удобный контейнер. Когда аккумуляторы надо заменить, вместо старого контейнера ставится новый, и буквально через минуту машина может продолжать работу. Для внутренних перевозок тягач очень удобен и экономичен.

Людмила КАФАНОВА

ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕЛЬНИК

Дверь отпиралась с трудом, словно кто-то крепко держал ее концы. Сказывали, что в здании в давлении воздуха нет разницы с атмосферным. От мучной пыли, разрезанной воздухом одновременно «окрашенное» помещение.

Опытная мельница Всесоюзного научно-исследовательского института зерна и продуктов его переработки вступила в работу на мощных станках. Сейчас здесь работает первый электронный мельник. С помощью фотоэлектрических устройств он

матрирует пробы муки, сортирует ее цвет с эталоном (чем белее мука, тем выше ее качество), записывает результаты своих исследований, сообщает о них дежурному конюху.

От электронного мельника не ускользает даже мельчайшее изменение цвета муки, которое не может заметить глаз человека. Это значит, что работник будет получать вести почти в нанобезопасности технологического реннинга.

И. ПЕТРОВ

Первый слон на Руси

В 1714 году шах персидский прислал в подарок Петру I различных динозавров и зверей и в их числе слона.

Видный русский писатель того времени Андрей Денисов повсюду отъезжая в свой фантаск «Встреча в Москве персидского слона»:

«На описях, как с утра все население Москвы, включая необычайно известное, направилось к Каулянской дороге: Мужики, старцы, женщины с детьми. Все спешило на Кауляскую дорогу увидеть слона». Многие заблудились на крыльях домов, на деревьях и лосках. Даже дождь не смог разогнать толпу.

Но вот наконец показавшая торжественная процессия. Впереди слышна команда, потом следовали затрепетанные в шестерню кареты с чинами персидского посольства. В слонах велики в клетках зверей: льва и львицу, какую-то немалую мартичку, «многостерного зверя» и множество полугаяв.

А потом козаченки московские увидели чуждое «невиданное — огромного зверя — слона, на котором сидел правитель их всадыни».

Писатель подробно описывает слона: «Которо динию с человека и толстые, как бревно, толстоногие, медлоходные, бесстыдные, великоголавы, горбошпицы, горбошпичи, ступанемие медлоходобое, от верхних губы имеют зубот, от верхних зубов два зуба велики, они торчат сюда и сюда, уши имеет великия, они заслоняи печью».

Отдохнув в Москве, послы персидского шаха двинулись в Петербург.

Медлоход Денисов распространялся в XVIII веке в рукописных списках и был опубликован только в 1890 году в журнале «Русская старина». Это интересный образец русской прозы начала XVIII столетия.

Какова же судьба первого слона на Руси?

В Петербурге для него соорудили «зверовой двор» возле Греческой пристани, который вскоре был перевезен на Преображенский плац. Слон умер 23 мая 1717 года. А в 1723 году по приказу императрицы Анны Иоанновны в Петербург привезли уже двенадцать слонов.

В. М.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Осталась нам эта шуба в наследство от тетюшки. Тетюшка — крупная, широконная, не в нашу поруку! — была большая модница и купила шубу как раз перед самым началом карнавала в крымского карнавала была баснословно дорогой.

Шуба пошла жить в доме, сбавилась соседки. И доктор Пошениский сказал, сосредоточенно поправляя золотые дужки очков:

— Как на карту! Упомянутый настоятельно рекомендую отнести эту вещь в комиссионный магазин, и тому же холостой, а заведуете, Студентский! — отрезала мама.

Непродуманно, Елена Михайловна, не продумала!

— Так в чем же дело? — Мама, горделиво приосанилась, пошла и вернула в карнавальную шубу.

Мама была маленькая, сухонькая, и шуба казалась сшитой с могучего барского плеча. Но, как выразилась другая наша соседка, мадамистка Миранда Фролова, «в ней был какой-то шарм».

— Дело в том, — утихнув объяснил доктор Пошениский, — что за такой шубой могут наводичны пойти. Подумают: раз карнавал, и деньги есть и что-нибудь другое. И не кошки». Если бы у вас — свой персональный квартира, то, понадумав, пошла бы на здоровье, но ведь niente в коммунальную. Крам, — значит, мне, упомянутому, отвечать.

— Уж вы такое скажете, Пошениский! — оборвала его Миранда Фролова. — Скажите в своем кабинете, совсем от жизни отстали. Черную иголку давненько давал Валентин! Миранда Фролова была человеком осведомленным. У нее максималистские мнения о достоинствах работников. Однако она намекнула на иголку, что и ней приехала даже супруга «самого». При этом словом он тут воздал глаза, что мне позависало, будто она имела в виду самого господя бога. Впрочем, и тогда была маленькая, и многого понимала по-своему.

Я не знала, например, что тетюшкина шуба ведет свое родословие от обмытого вонючей крогочей ошей. Я думала, что карнавал — единичный случай. И центрился мех карнавалу так дорогого потому, что трудно, почти невозможно выследить типичного зверя. На что способный, только смеяться и отчаянные мранцы.

Пома и раздумывая о судьбе убитого на карнавал, соседки пришли к выводу, что мама должна провать шубу, а на иррегулярности шубы пустить габаритов маминство для всех членов нашей семьи, заплатить за год откурье шубы на уборку мест общего пользования, а остальную сумму попомнить в сберегательную кассу на срочный вклад.

Но маме не сдалась.

— Все никак и ментала о такой вещи. Все никак работала не покладая рук. Не узнали же и не заслужили на старости лет!.

С той поры у мамы началась «шуба». Шуба мшала ей сидеть в ЦКлупто лещать радуйнуйт — в помпадб слать шубу шубы, а мамы опидеи не могла пользоваться городским транспортом: цен-

наз вещь в толкучке мамой интересна. Иза все этого мама окончательно распродала свое здоровье и разназначила приятельницам, оговестившимся отдать шубу сиорнику для переделки.

Удивительно называли люди! — изумлялась мама. — Слово маме дати. Не знаит, что сиорники — это личики, которые оставит от моего карнавала только маме два юшки.

Теперь у мамы нет ни приятельниц, ни соседок по квартире: уж очень давно переехала в отдельную. Поэтому добрые советчи не удается слышать довольно редко, по причине «афонии». Но имейте в виду, такой карнавалу быстро стареет, если его не прогумит!

— Прогумит! и оберегает от вредителей! — торчит ей другая дама с собачкой — хозяйка роскошного стаменила. — Но запомните! мое сейчас не такая, как в наше время, она уже не реагирует на надбавки. Вы не расстраивайтесь, зато она имеет максимум на тридцатипроцентную хозяйственную маму.

Теперь мама заставила меня после лекции прогумит шубу перед домом. Карнавы шубы были битыми набиты кусочками тридцатипроцентного хозяйственного мыла, и от меня за версту несло надбавкам.

Бежать в такой шубе на свидание к Шурику было немалодушно. Шурик, открывши уши во время напрасных омидий, бросил меня и женился на другом.

Мама было жалко, что у дочери не удались никак изнаны. После мучительных колебаний она решила подарить шубу мне, не преминув сообщить дамам с собачками, что молочные теперь ужасно неблагоговари. И вот я прогуливаю шубу уже как самостоятельную хозяйка. Это во вечерам. А днем я допущаю дамы, а выходяще на работу студенчески, подбитое ветром пальцецо: стоит ли покупать новое, если имеешь иррасный карнавалу!

А когда наконец в праздники я решилась прогумит шубу, и сама повиснула на людях, пришла гостить.

— С Васильем мартом вас! — На пороге стояла наша молодая либертарка Таня, которая собирала с мильновх праздничную шубу. — Таня, вы не вас! Он, что делавте с! Тане в ЦУМе брали!

Я ужалася. На Тане было точно так же шуба.

— Иррасный карнавалу! — задыхалась, и расстегнула шубу, и сама повиснула на людях. — На Синтетический! — И Таня, заворотив голову, торжествующе показала филологический язык и надорвала.

Она назвала цифру, по крайней мере, в двадцать раз меньшую, чем стоила тетюшкина шуба.

На праздничной вечер я не пошла. Иной смысл показывать иррасный карнавал, который можно было привнести к синтетическому.

Я делала в шубе на диване.

И мне шуба, как в детстве, казалась, что вот шуба — это шкура какого-то хищного зверя.

**Г. ТЕННО,
А. ЗИЛЬБЕРБОТ,
мастер спорта**

В третьем номере «Семьи» был опубликован первый обзорный комплекс упражнений по атлетической гимнастике. Это надеюсь, что многие читатели журнала обратили на него внимание и приступили к занятиям. Незначительная боль в мышцах после первых тренировок должна смениться удовлетворением от занятий с отношениями. Вы наверняка уже заметили, что ваши мышцы увеличились в объеме и стали значительно сильнее. Может быть, это действительно так. Но предупредим, друзья, не гордитесь. Погоня за спорным результатом может принести лишь и порчи нервов и отдалит поставленную цель, формирование красивой и сильной атлетической фигуры. Срок в один месяц слишком мал, и нам предстоит еще долгий, но увлекательный путь. Особенно важно учесть то, что не у всех людей муссы мышц растут одинаково быстро. Поэтому вам придется познать себя, особенности своего организма, подобрать наиболее эффективный режим подходов и повторений упражнений. Непрерывным правилом должно стать и соблюдение режима. Вам необходимо отказаться от курения, употребления спиртных напитков, стать строже к самому себе, научиться ценить время. Вода является из присутствующих и занятиям и работает и участвует. Конечно, заманчиво иметь большой бицепс, чтобы согнуть руку, удивить сверстников. Но во-первых, бицепс не самая нужная и красивая мышца человеческого тела, и, во-вторых, вам никогда не развить так следует мышцы рук, если все остальные мышцы останутся слабыми. Поэтому, особенно первое время, не делите упражнения на любимые и нелюбимые. Пока что вы тренируетесь по общей программе. К специализированному тренировкам отдельных групп мышц вы приступите не раньше, чем через 6 месяцев.

И последнее. Ваши занятия не должны проходить только под дулом. «Накачать мышцу» — это добродетель — стоит ли ради этого тратить время? Физическое совершенство не только эффективная мускулатура, и атлет не холодная застывшая статуя. Проявляйте в движении. Не ограничивайтесь только упражнениями с отягощением. Ходите быстрым шагом, бегите быстрее. Если вы спортсмен, продолжайте улучшать достижения в избранном виде. Свободом, используйте все имеющиеся в

арсенале физического совершенствования упражнения и средства.

Предлагаем вам познакомиться со вторым комплексом. Он несколько сложнее первого и предвзят, значит для того, чтобы вы могли разнообразить занятия, внесите в них элемент юмора. Снаряды — гантели, штанга, перекладина. Если вы не имеете возможности заниматься со штангой, почти во всех случаях ее можно заменить разборными гантелями. В качестве перекладины может служить обычный дверной косяк.

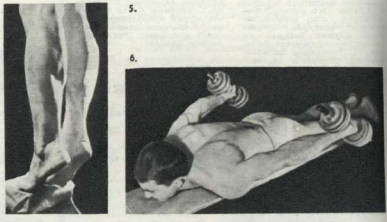
Занятия проводятся три раза в неделю. Каждое упражнение выполняется в трех подходах по 8—10 повторений в каждом. Что это означает? Возьмем упражнение 2 — поднимание. Продолжа упражнение 8—10 раз (вес отягощения должен быть таким, чтобы последние повторения выполнялись с трудом), сделайте паузу до восстановления ды-

хания и снова повторите упражнение 8—10 раз. Затем снова пауза, и снова повторение упражнения. Исключение составляют упражнения 3 и 4. Они выполняются с чередованием подходов. То есть, проделав серию повторений в упражнении 3, вы проделываете серию повторений упражнения 4. Затем снова 3 и снова 4.

Упражнения 5 и 10 выполняются по 12—15 повторений в каждом подходе.

Как только вы сможете без большого напряжения в каждом подходе проделать упражнения в заданном количестве раз, увеличьте вес снаряда на 2—5 килограммов и снова начинайте с восьми повторений.

Не забывайте записывать вес снарядов в каждом упражнении. Этот учет сделает ваши занятия более целесообразными и даст полную картину прогресса на любом отрезке времени.

КАК ПОЛУЧИТЬ КРАСИВЫЕ ЛИЦО В РЕЖИМЕ

КАК ПОЛУЧИТЬ КРАСИВЫЕ ВОЛОСЫ

Люба Жарикова из Новосибирской области спрашивает: «Каким образом можно приобрести шикарные волосы?»

С этими вопросами, волнующими многих наших читательниц, корреспондент «Семьи» обратился к одному из лучших дамских парикмахеров Москвы Ирине Николаевне Черепановой.

Хотелось бы раз и навсегда покончить с одним недоразумением, — говорит Ирина Николаевна. — Часто приходится слышать, что «кажется, так шикарная тушировка волос, сейчас не модно. Это неверно и не может быть верно, потому что шикарно — это лишь в т.о.о. оформления прически, точно так же, как обязательно, например, повтортка у пальто и костюмов. Просто сейчас мода из моды уже известная «облетает», а каждая изменила свои линии в угоду новой моде.

Сейчас модны три силуэ-

туса, и челка почти до бровей.

И, наконец, длинные волосы до плеч, свободно падающие. Надо лишь учесть, что эту прическу рекомендуют носить очень молодым девушкам и только тем из них, у кого губные и красивые волосы.

Как видите, все эти прически очень просты в выполнении и удобны для работы и для занятий.

А вечером? Вечером нам хочется быть наряднее — вполне законное желание.

Обратите внимание на второй силуэт, о котором мы только что говорили. Он имеет неограниченные возможности превращаться в самые изысканные вечер-

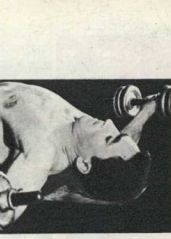
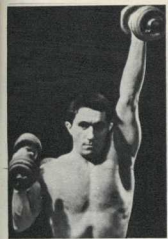
Ученица 11-го класса Ира Сковородникова из Ленинской области спрашивает редакцию, какая прическа сейчас в моде и можно ли изменять ее в соответствии с особенностями своего организма. А ученица 10-го класса

Очень короткая стрижка с чуть приподнятой линией затылка (это как раз и отличается легкой «чической» с небольшой челкой.

Волосы, закрывающие

Очень модна теперь при лабных висках и челке бигудиобразная укладка набо лбои и на затылке. Многие предпочитают прическу геолога львицы, как называют ее профессионалы. Посмотрите: слезка выпущена зматерю и те же выпуща-

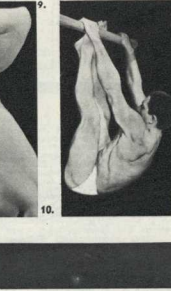

1. Попеременное выжимание гантели. Исходное положение: стоя, гантели у плеч;
2. Подтягивание. И. п.: вис на перекладине, хват средний, ладони к себе;
3. Приседания. И. п.: штанга на груди;
4. Разведение согнутых рук в стороны. И. п.: лежа на скамейке, под лопатка-

- ми мягкий валик, гантели в выпрямленных вверх руках;
5. Подъемы на носках. И. п.: штанга на плечах за головой, носки ног на брусье;
6. Отведение прямых рук назад—вверх с паузой в крайнем верхнем положении. Удерживать 2 секунды в

- крайнем положении. И. п.: лежа на доске, лицом вниз, гантели в опущенных руках;
7. Отжимания. И. п.: упор лежа, носки ног и ладони на ступнях, отягощение на спине;
8. Сгибание кистей. И. п.: сидя, предплечья на коленях. В первом подходе хват

- гантели—ладонями «сверху», в двух последующих подходах—«снизу»;
9. Попеременное наклоны туловища в стороны. И. п.: стоя, руки с отягощением—за головой;
10. Подъемы прямых ног до касания перекладины носками. И. п.: вис на перекладине.

сти над ушами без привычной высоты надо обом.

Волосы до плеч труднее поддаются укладке, поэтому разное украшать их к вечеру лентами, бантиками, ювелирными украшениями, оставляя волосы свободными.

А как причешь волосы школьницы? Я уверена, что здесь уместнее всего короткая стрижка (все тот же универсальный второй силуэт). Это и просто и гигиенично.

Мне бы очень хотелось, чтобы наши девушки поняли, что прическа—это очень важная деталь туалета. Ведь все, как говорится, начинается с головы. На вас может быть высокие сложки, которые так полюбятся нашим девушкам, модный хвостик, но не будет модной прически—и вам никак не стать элегантно. Сталь обожжи и стиль прически должны идти рука об руку.

И. ВАСИЛЬВА

ВЕСНА И ВЕСНУШКИ

В. МАРТЬНОВА ИЗ Г. ОРЕХОВО-ЗУЕВА, МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, СПРАШИВАЕТ, КАК УХАЖИВАТЬ ЗА КОЖЕЙ ЛИЦА, ЕЕ И ДРУГИМ ЧИТАТЕЛИМ, ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ ЭТИМ ВОПРОСОМ, ОТВЕЧАЕТ ВРАЧ-КОСМЕТОЛОГ, АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ КНИГ ПО КОСМЕТИКЕ М. Г. ПОЛИКАРОВА.

Кожа требует большого ухода именно в молодости, так как у юношей и девушек она более нежная и ранимая, нежели у взрослого человека. Прежде всего нужно помнить, что красивой бывает только здоровая кожа. А для ее здоровья нужны воздух, солнце. Свежий воздух укрепляет, закаляет и очищает кожу; солнечные лучи оздоравливают ее, повышают сопротивляемость к грибничным заболеваниям. Физкультура, нормальный сон, правильный режим питания—также не обходимые условия для красоты и здоровья кожи. Но это еще не все. И здоровью кожи необходимо очищать, питать, защищать.

Скоро весна. Весной кожа лица свежее, розовее, загорает. Но нередко весна с ее частыми ветрами и ярким солнечным светом, богатым ультрафиолетовыми лучами, иссушает и раздражает кожу. Она легко обветривается и становится жесткой, шероховатой, появляются красные шелушения—сыпь, сохнут и трескаются губы,

краснеют носы. Поэтому весной требуется особый уход за лицом.

Тем, у кого кожа нормальная или сухая, следует умыть лицо без мыла. Очищать кожу лица можно лосьоном «Рассвет», жидкими кремами «Бархатный», «Утро», содержащими витамин. Но лучше всего употребить состав домашнего приготовления. Для этого яичный желток смешивают со стаканом сливок или сметаны, затем к смеси добавляют сок одного лимона и стакан воды. Эта смесь хорошо очищает от грязи кожу и одновременно смягчает ее.

Если кожа шероховатая, шелушится, ее полезно смазывать составом из желтка и одной столовой ложки любого растительного масла. Состав растирают на лице и смывают теплой водой, продолжая его растирать. Лицо нужно вытереть насухо мягким полотенцем, так как влажная кожа легко обветривается, а затем смазывать витаминизированным кремом «Янтарь», «Атласный», «Юнона». Крем можно приготовить и самим. Для этого костыль мочо очищают от пленки и растапливают его, добавляя равное количество растительного масла. Крем следует готовить маленькими порциями, так как он быстро портится.

Если на лице выступают красные пятна, то умыть лицо не следует до тех пор, пока они не исчезнут. В этих случаях лицо протрите медовой водой. Ее приготовить просто. Смешива-

ют стакан воды со стаканом борного раствора и добавляют к смеси одну столовую ложку меда. Борный раствор делается из расчета одной чайной ложки борной кислоты на стакан кипятка.

Тем, у кого кожа жирная, лучше применять «Ланолиновое», «Сперицеитовое», «Бархатное», «Детское» или «Косметическое» мыло. Надо только помнить, что любое мыло необходимо тщательно смывать водой. Мыльную шелушащуюся кожу полезно протирать смесью любого растительного масла с равным количеством одеколона. Этим смесью можно протирать лицо вместо умывания. Обгоревшую, сильно обветренную кожу можно мыть отваром из очищенного картофеля или пшеничных отрубей. Девятнадцать ложек отрубей кипятят 5—10 минут в литре воды, отвар охлаждают и моют им лицо без мыла.

При воспаленной, раздраженной коже большую пользу приносит применение из настоев ромашки. Столовую ложку высушенных цветов ромашки заливают стаканом крутого кипятка и настаивают, как чай, в течение 15—20 минут.

Чтобы предохранить лицо от загара и от ветсухи, его смазывают кремом «Крем от загара», «Березовой эмульсией» или кремом «Луч и пудра».

КАК НАЗЫВАЕТСЯ ГОРОД!

Название города состоит из четырех букв. Если вместо букв взять числа, указывающие места, занимаемые этими буквами в алфавите, то разность первого и третьего будет равняться сумме второго и четвертого. Удвоенная сумма первого и второго числа будет равняться числу недель в году, а первое число без удвоенной суммы третьего и четвертого равно числу дней в неделе.

Определите название города, если известно еще, что сумма первого и последнего числа равняется удвоенному второму.

Разрезать фигуру двумя линиями так, чтобы из полученных частей можно было составить полный квадрат.

РАЗБИТАЯ ВАЗА

У открытого окна стояли три вазы с розами. В белой вазе было в два, а в синей — в три раза больше цветов, чем в красной.

Ветром опрокинула одну вазу, и она разбилась. Пять роз осыпались. Оставшие поставили поровну в синюю и вторую уцелевшую вазу.

Какое цвета ваза разбилась?

ГУСЕНИЦА-ВЕРХОЛАЗ

В воскресенье в 6 часов утра гусеница начала вползти на дерево. В течение дня, то есть до 6 часов вечера, она забралась на высоту в 5 м, но потом сползла на 2 м вниз. Когда и в каком часу гусеница, двигаясь такими темпами, может достигнуть верхушки, если высота дерева 12 метров?

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ

«СКОЛЬКО ВЕСИТ ЦИСТЕРНА С ГРОЗИ?», ПОМЕЩЕННУЮ В № 4

Цистерна с виноградом будет весить меньше порожней. Чтобы наполнить ее виноградом, нужно сначала удалить воздух. 50 кубических метров которого весит опутанное 65 килограммов, а 50 кубических метров виноградом, весит лишь 5 килограммов. Следовательно, цистерна станет легче на 65 — 3 = 62 килограммов.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

1.

2.

3.

4. 225 килограмм.

— И ЖЕ СКАЗАЛ: ПОЛНЫИ ВПЕРЕДИ

БЕЗ СЛОВ.

Рисунки В. ДМИТРИЮКА, О. КАНДАУРОВА, О. ТЕСЛЕРА

...И БУДЕТ СТОЯТЬ ВЕКА!

ВОСПИТАНИЕ УКРОТИТЕЛЯ.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международный журнал — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; пионер — Д 3-30-47; науки и техника — Д 3-31-86; информация — Д 3-31-89; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куликов, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стухов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 02237. Подписано в печати 20/II 1965 г.
Тираж 900 000 экз. На д. № 379.
Заказ № 291. Формат бумаги 70 x 108/16.
2 бум. л.—548 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОНИМАЕШЬ

Слова
Игоря ШАФЕРАНА

Музыка
Леонид ПЕЧНИКОВА

За рекою, где рассветы мы встречали,
Все тропинки заросли густой травой...
Понимаешь, раньше жила я без печали,
А теперь я, а теперь я сам не свой.

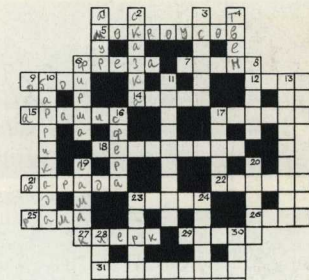
Я кружился с кем придется в быстром вальсе,
Я весною просто так дарил цветы...
Понимаешь, я забыть тебя старался,
Но со мною, но со мною всюду ты.

Скорый поезд на вокзал придет под вечер,
В край далекий я билет себе возьму...
Понимаешь, может, я другую встречу,
Только это, только это ни к чему.

За рекою, где рассветы мы встречали,
Все тропинки заросли густой травой...
Понимаешь, раньше жила я без печали,
А теперь я, понимаешь, сам не свой!

ВИДИЛИСЬ.

Сы ре-ко-ю, где рог-
оке-ты встре-чали, все тропи-ны
за-рос-ли гу-стой тра-вой. По-ни-
ма-ешь, рань-ше жи-ла я без печ-ли, а те-
перь я, а те-перь я сам не
сво-ей. По-ни-ма-ешь, рань-ше жи-ла я без печ-ли, а те-
перь я, а те-перь я сам не сво-ей. 2. Я кру-жи-л-ся.

КРОССВОРД

Составил Н. КОВАЛЬКОВ,
с. Муравь, Оравской обл.

По горизонтали:

- Советский композитор-песенник, в. Ревущий инструмент.
- Малая планета солнечной системы.
- Материал для олеины стен.
- Денежная единица Ирана.
- Аравийский писатель и педагог, автор известной книги для детей «Сказки бабушки Гюльшар».
- Персонаж романа А. Доста «Три мушкетера».
- Порт на Висле.
- Действующее лицо комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
- Единица электрической емкости.
- Опера Я. Бизе.
- Стихотворение И. С. Никитина.
- Опорная часть машины.
- Роман М. Горького.
- Конторский служащий в Англии и США.
- Плод мушкетера и травянистого растения.
- Простейшее микротело, обитающее в пресных водах и морях.

По вертикали:

- Река на Дальнем Востоке.
- Произведение устного народного творчества.
- Русский поэт, А. Американский писатель-сатирик, в. Крупное объединение в промышленности.
- Диний ба-ран, обитающий в горах Азии.
- Заграждение, сооружаемое обычно при уличных боях.
- Право посещения в течение определенного времени.
- Поверхность шара.
- Торговая палата.
- Пол-важная сетка для отдыха.
- Первая ступень музыкальной гаммы.
- Слово, служащее пропуском.
- Пограничная река между СССР и Китаем.
- Почвообразующая горная порода мелкого щефта.
- Часть корпуса музыкального инструмента.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Атмосфера.
- «Нахтанор».
- Мурманск.
- Менделеев.
- Грипп.
- Труба.
- Статуя.
- Штефф.
- Зальбус.
- «Тромбон».
- Волнушка.
- Арктика.
- 25.
- Пирог.
- 39.
- Ангин.
- 35.
- Алпийнизм.
- 36.
- Стандарт.
- 37.
- Разведка.
- 38.
- Советская.

По вертикали:

- Бухтарма.
- 3.
- «Торпадо».
- «Сомнение».
- 5.
- Румпель.
- 6.
- Завоеватель.
- 7.
- Радон.
- 8.
- Ампер.
- 13.
- Микрофон.
- 14.
- Тельняшка.
- 16.
- Тагор.
- 17.
- Шайба.
- 18.
- Новая.
- 20.
- Удоча.
- 24.
- Кристалл.
- 29.
- Машиnist.
- 23.
- «Бригадир».
- 29.
- Полотно.
- 30.
- Ма-зурка.
- 32.
- Орада.
- 34.
- Наиза.

На первой
странице
обложки:

Тому, кто ездит по озна-
меннейшей магистрали Мо-
сковь — Садовую кольцу,
наверное, знакомо лицо
этой девушки, Софья Циго-
вич — водитель троллейбу-
са.

ФОТО В. ТЮКЧЕЛЯ

Вряд ли это можно назвать путешествием в прошлое. Приезжая сегодня в такие города-музеи, как Суздаль, мы менее всего думаем об утилитарной назначении этих зданий с куполами и колокольнями: для нас оно безвозвратно устарело. Но всякий раз, приезжая сюда, мы думаем о могучем духе народа, о его безграничной талантливости. В этих каменных зданиях (а архитектуру Суздаля иначе не назовешь) русский народ выразил свое представление о прекрасном, и ознаменовавшая музыка, как называют архитектуру, звучит и по сей день в полную силу. Созданные формы, устремленные вверх, к свету, иррегулярные стены и башни поразительных пропорций — все это наполнено ясностью, искренностью и каким-то световым чувством, подобно русскому пейзажу, и быть может, поэтому архитектурные ансамбли Суздаля входят в пейзаж как неотъемлемая его часть. Соборы Суздаля воздвигнуты в те годы, когда в европейской архитектуре господствовала готика, аскетичная, заставлявшая человека думать о жестокости жизни, о конце мира. Будучи в Суздале, нельзя не думать о народе, который в тяжелую пору своей истории создал великую, светлую и гуманистическую культуру.

СТАТЬЮ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА О ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 16—17.

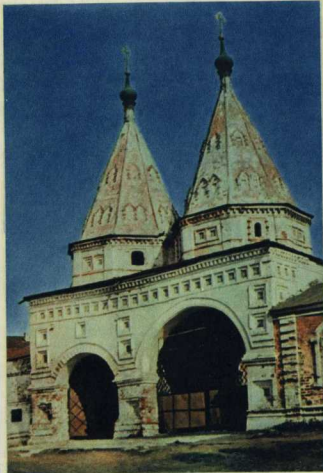
Образец русского деревянного зодчества.

Церковь Бориса и Глеба в селе Кидекша, близ Суздаля. Построена в 1152 году.

Святые ворота. Архитектурный памятник 1688 г.

Крепостная стена.

Каменные палаты. Конец XV в.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820